

НАСЛЕДНИК ПОРУЧИКА ГВАРДИИ

ЮРИЙ
ШЕСТЕРЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юрий Ф. Шестёра
Наследник поручика гвардии
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10994499
Наследник поручика гвардии: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7529-4

Аннотация

Бывший поручик гвардии Андрей Петрович Шувалов, теперь капитан, по окончании своих приключений составляет для музея экспозиции флоры и фауны, пишет книгу и мечтает о наследнике, но волею судеб его сыном и духовным преемником становится внук – Петр Чуркин. Молодой мичман начинает свои исследования в составе экспедиций Врангеля. Однако главным делом жизни Петр считает преобразование флота. Русские корабли должны сменить паруса на броню, чтобы стать надежной защитой Отечества и поднять свой авторитет в мире. А после того как турецкий флот фактически захватил черноморские рубежи России, именно Чуркин высказал идею создания нового – минного оружия, способного переломить ход войны на море.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	32
Глава третья	59
Глава четвертая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Юрий Шестёра
Наследник
поручика гвардии

© Шестёра Ю. Ф., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть первая

Глава первая Ожидание

После триумфального возвращения в 1821 году в Кронштадт экспедиции Беллинсгаузена, открывшей Антарктиду, Андрей Петрович Шувалов по указанию императора Александра I оформлял в музее Адмиралтейского департамента экспозицию «Антарктическая фауна» из чучел добытых морских зверей и птиц. В этом хлопотливом деле ему помогали Матвей Сухов, его бывший вестовой, а ныне личный ассистент, счастливый обладатель внетабельного чина канцеляриста, щеголявший уже в партикулярном¹ платье, а также квартирмейстер² Макар Попов, вестовой Беллинсгаузена. Художественный оформитель бомбардир Захар Красницын и плотник Петр Матвеев со шлюпа «Восток» тоже были прикомандированы к этой группе.

Работы оказалось много. Требовалось составить план экс-

¹ Партикулярное платье – обычная, неформенная одежда.

² Квартирмейстер – должностное лицо в армиях некоторых стран, а также в русской армии в прошлом, ведающее размещением войск по квартирам и снабжением их продовольствием и фуражом.

позиции, исходя как из размеров помещения, так и наличия чучел животных; подготовить фон, соорудив соответствующие подставки и стеллажи; со всеми мерами предосторожности перевезти драгоценные чучела, зачастую в единственном экземпляре, из Кронштадта в Петербург и разместить их в соответствии с планом; организовать освещение экспонатов согласно пожеланиям государя... Надо было дать задание Академии наук подготовить таблички с названиями известных науке представителей антарктической фауны, а если среди них встретятся неизвестные, то присвоить им научные названия. И так далее и тому подобное... Не менее важным, как убедился Андрей Петрович на собственном опыте, было не упустить каких-либо «мелочей», которые зачастую как раз и определяют общее впечатление от экспозиции. Поэтому все работали с утра и до позднего вечера, практически без выходных, буквально валясь к концу дня от усталости, ибо прекрасно понимали важность возложенных на них высочайшим повелением обязанностей.

Большое внимание подготовке композиции уделял и директор музея Александр Владимирович Трубецкой, знаток и тонкий ценитель произведений искусства. Он беспрекословно по первой же просьбе Андрея Петровича оказывал различные услуги, относящиеся к его компетенции, так как отлично осознавал важность задания, которое осуществлял этот почетный член Петербургской академии наук, относящийся к кругу приближенных государя императора.

А это дорогого стоило...

Видя накопившуюся усталость Андрея Петровича, Трубецкой-то в конце одного из напряженных рабочих дней и предложил ему объявить следующий день выходным, пригласив к себе в гости. Тот, действительно вымотавшийся за последние недели без отдыха, с благодарностью принял это предложение.

Вот с тех-то пор многое и изменилось в жизни Андрея Петровича. А виной тому стала дочь Александра Владимировича – юная Ксения.

* * *

Еще в тот момент, как Александр Владимирович представил свою дочь и та изящно и непринужденно исполнила реверанс, Андрей Петрович невольно обратил внимание на ее быстрый взгляд, как бы между прочим брошенный на него из-под длинных густых ресниц. «А девушка-то привлекательна...» – непроизвольно отметил убежденный холостяк, каковым он считал себя на самом деле.

Когда Трубецкой пригласил всех к столу, сервированному со вкусом, Андрей Петрович заметил среди напитков не только элитную водку «Смирновъ», шампанское и французское десертное вино, но и мадеру, причем с Канарских островов. «Успел-таки, шельмец, узнать у Матвея о моих пристрастиях», – усмехнулся он про себя по поводу хитро-

сти предусмотрительного хозяина.

– Что предпочитаете, Андрей Петрович? – галантно спросил Александр Владимирович, поводя рукой в сторону горячительных напитков.

– Судя по ассортименту, ваш вопрос, уважаемый Александр Владимирович, носит, с моей точки зрения, чисто риторический характер, – невинно улыбнулся Андрей Петрович.

– Не зря, выходит, государь в беседе с вами во время осмотра экспозиции «Антарктическая фауна» на борту шлюпа «Восток» назвал вас истинным разведчиком, – откровенно рассмеялся тот и потянулся за бутылкой с мадерой.

Ксения, не знаящая подоплеку пикировки отца с гостем, недоуменно, но крайне заинтересованно, переводила взгляд с одного на другого. И когда ее отец, видя недоумение дочери, пояснил, что интересовался у бывшего вестового гостя о любимом напитке его хозяина, она восхищенно посмотрела на молодого ученого, сумевшего вот так, с ходу, раскусить отцовскую хитрость.

Во время застолья неспешный разговор неизбежно перешел к истории создания экспозиции, так восхитившей государя. Андрей Петрович, отвечая на вопросы присутствовавших, был вынужден рассказать не только об изготовлении многочисленных чучел животных, но и о том, как и где они были добыты. Особую активность проявляла Ксения, зачарованно слушавшая захватывающий рассказ гостя, и Андрей

Петрович вел свое повествование как бы для нее одной.

Анна Михайловна, супруга Александра Владимировича, с замиранием сердца наблюдала за взглядами, которыми обменивались молодые люди, хотя Андрей Петрович на самом-то деле был не так уж и моложе хозяйки. Как любая мать, она страстно желала счастливого замужества своей дочери, тем более что та была единственным, а потому горячо любимым ребенком в их семье, родители в ней души не чаяли. А тут нежданно-негаданно их гостем стал умный, самостоятельный, вполне состоявшийся мужчина с высоким общественным положением и явно симпатизирующий ненаглядной Ксюше. Ну, как не забиться сердцу любящей матери?

Так что, когда Ксения со свойственной ей непосредственностью обратилась к нему с вопросом «Андрей Петрович, а ведь папенька говорил, что вы не только участвовали в открытии Антарктиды, но и много лет служили в Российско-Американской компании в Русской Америке?»³, Анна Михайловна мягко заметила: «Не все же сразу, Ксюша», – прозрачно намекая на то, что нынешняя встреча может стать и не последней. При прощании Андрей Петрович, целуя руку Ксении, так глянул на девушку, что у Анны Михайловны чуть не остановилось сердце.

Сразу же после его ухода она, уединившись с супругом,

³ Русская Америка – полуофициальное название территорий русских колоний на североамериканском континенте в XIX веке.

нетерпеливо расспросила его о том, не смотрит ли он на Андрея Петровича как на потенциального жениха их Ксюши. Александр Владимирович внимательно посмотрел на жену, словно увидел впервые: «Ох уж эти женщины! Мужчина только в первый раз появился в доме, а они уже строят долгосрочные планы! Стратеги, одним словом, помилуй, господа!». Но, видя устремленный на него умоляющий взгляд супруги, он рассудительно ответил:

– Суди сама: столбовой⁴ дворянин, почетный член Петербургской академии наук, капитан лейб-гвардии Преображенского полка, кавалер трех орденов Российской империи, приближенный самого государя императора. Думаю, более удачной партии для нашей дочери невозможно и придумать. Смущает меня только одно – Андрей Петрович ведь почти что вдвое старше Ксюши.

Анна Михайлова откровенно рассмеялась:

– Эка невидаль! А ты сам-то пошел под венец со мной с какой разницей в годах? Не запомнил?

– Почему же? Тринадцать лет. Но ведь не девятнадцать же?!

– А ты что же хотел, чтобы перечисленные тобой звания, чины и награды имелись бы у какого-нибудь безусого юнца?!

Александр Владимирович неопределенно пожал плечами, не зная, что ответить торжествующей супруге.

⁴ Столбовое дворянство – в Российской империи представители дворянских родов, относившиеся к древним, потомственным дворянским родам.

– То-то и оно! Поэтому спасибо тебе, дорогой мой, за заботу о нашей семье. И очень прошу тебя сделать так, чтобы Андрей Петрович обязательно хотя бы еще раз побывал у нас в гостях. Ведь от этого в конце концов может зависеть будущее нашей Ксюши.

Александр Владимирович обнял супругу.

– Я, конечно, постараюсь устроить еще одну встречу, но, как сама понимаешь, все будет зависеть от желания самого Андрея Петровича.

Анна Михайлова, слегка отстранившись, укоризненно посмотрела на мужа:

– Он пожелает, обязательно пожелает! Поверь мне. Женское сердце очень трудно обмануть, милый.

* * *

По прошествии недели, в течение которой Александр Владимирович мучительно искал повода, чтобы снова пригласить Андрея Петровича к себе в гости, тот неожиданно обратился к нему сам:

– Я ведь, Александр Владимирович, еще не выполнил просьбу Ксении Александровны рассказать о своих похождениях в Русской Америке, – недвусмысленно пояснил он.

– Нет ничего проще, Андрей Петрович, – облегченно выдохнул директор музея, пораженный пронизательностью супруги. – Приходите к нам завтра же на ужин. Часам к шест-

надцати. Мы все будем рады видеть вас в нашем доме, – уточнил он.

– Большое спасибо, Александр Владимирович, за приглашение. Я так и сделаю.

С тех пор Андрей Петрович регулярно, раз в неделю, стал наносить визиты в гостеприимный дом Трубецких.

* * *

Через несколько месяцев упорного труда, когда государственная комиссия приняла экспозицию «Антарктическая фауна», а следом за ней и другую, «Тропическая фауна», состоялось их торжественное открытие в присутствии императора Александра I.

Анна Михайловна вместе с дочерью только ахнули, увидев Андрея Петровича на нем во всем великолепии парадного гвардейского мундира: при шпаге с орденской лентой через плечо, двумя серебряными звездами на груди и красным крестом на шее. Слегка порозовевшее лицо Ксении осветилось гордостью за своего избранника.

На этот раз Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен сдержал слово, данное в свое время Андрею Петровичу, своему старинному другу. Выступая в качестве руководителя Антарктической экспедиции, в рамках которой и были созданы обе экспозиции, он упомянул, что почетный член Петербургской академии наук господин Шувалов – не только науч-

ный руководитель этих экспозиций, но и литератор, написавший за время плавания на шлюпе «Восток» автобиографический роман «Приключения поручика гвардии в дальних странах». Он, Беллинсгаузен, прочитал его в рукописи и отмечает занимательность и познавательную ценность сего произведения. Мало того, автор готовит и вторую часть романа – об участии героя уже в Антарктической экспедиции.

После окончания торжеств Андрей Петрович как главный их виновник пригласил Трубецких и Беллинсгаузена в гости уже к себе. Матушка, заранее предупрежденная сыном, расстаралась, и стол оказался великолепен.

Когда же Андрей Петрович представил Фаддея Фаддеевича Трубецким, тот, улучив удобный момент, шепнул на ухо другу: «А у тебя, Андрюша, губа-то не дура!» – намекая на молодость и красоту их дочери. «На чужой каравай, Фаддей, рот не разевай!» – с веселыми искорками в глазах заявил в ответ Андрей Петрович. К радости обоих, отношения между ними остались теми же, какими были при плавании как на «Надежде» Крузенштерна, так и на «Востоке», уже под командой самого Беллинсгаузена.

Ксения поначалу несколько смущалась в присутствии знаменитого капитана, открывшего неведомую доселе Антарктиду, но затем успокоилась, отметив его близкие отношения с «её» Андреем Петровичем. Между тем матушка Андрея Петровича украдкой присматривалась, как она поняла, к своей будущей невестке. Та ей сразу же пришлась по душе.

«Наконец-то дождусь внука, наследника, теперь уже законного», – мечтательно размышляла она, украдкой смахивая набежавшую слезу...

На другой же день Андрея Петровича атаковали издатели с предложениями по изданию романа, однако он, записав их условия, заявил, что заключит договор только после того, как подготовит второй экземпляр рукописи. Это давало ему возможность выиграть время для принятия окончательного решения. Кроме того, учитывая сложившуюся ситуацию, Андрей Петрович решил изъять из рукописи свои интимные отношения с дочерью вождя индейского племени и, уж тем более, упоминание о своем сыне креоле⁵, оставшемся с матерью в далекой Калифорнии.

На это требовалось определенное время, и Матвей, личный секретарь, приступил к переписи начисто обоих экземпляров рукописи романа с учетом внесенных изменений.

* * *

– Поздравляю тебя, Матвей!

– С чем, Андрей Петрович? – недоуменно спросил тот, откладывая в сторону гусиное перо.

– С сегодняшнего дня ты стал «Ваше благородие»! – торжественно сказал Андрей Петрович.

⁵ Креолы – потомки испанских переселенцев в Северной и Центральной Америке.

Матвей ошалело смотрел на бывшего барина, явно не воспринимая смысла услышанных слов. Тогда Андрей Петрович, приведя его чуть ли не за руку в свой кабинет и усадив на стул, не спеша объяснил, что в соответствии с указанием государя за изготовление чучел животных и участие в оформлении экспозиций в музее Адмиралтейского департамента Матвею пожалован нижний табельный чин коллежского регистратора. А этот чин по «Табели о рангах» соответствует армейскому офицерскому чину прапорщика, то есть тем самым Матвей получает право на личное дворянство.

– И теперь к тебе будет положено обращаться по имени и отчеству: Матвей Степанович. Надеюсь, всем, кроме меня, – улыбнулся он. – Ведь для меня ты до конца дней останешься просто Матвеем, верным помощником во всех моих делах.

– А как же, Андрей Петрович? Как же иначе?! – недоуменно воскликнул Матвей.

– Поэтому рекомендую тебе изучить «Табель о рангах» со всеми приложениями. Как говорится, назвался груздем – полезай в кузов, – рассмеялся Андрей Петрович. – А если серьезно, то чиновник, коим ты стал, должен ее знать, как «Отче наш». Ведь, надеюсь, ты не думаешь всю жизнь прожить лишь с одним только нижним чином? – он испытующе посмотрел на Матвея.

– Я как-то не думал об этом, – растерянно глядя на своего

благодетеля, произнес тот.

– Для того голова и дана, чтобы думать. А пока заказывай у портного мундир, соответствующий новому чину. Надеюсь, у тебя хватит денег на это?

Тот радостно вспыхнул:

– Конечно, Андрей Петрович! Ведь я сохранил деньги, пожалованные мне и их благородием лейтенантом Лазаревым, капитаном «Мирного», и их высокоблагородием капитаном 2-го ранга Беллинсгаузенем! И причитающееся мне жалованье за время кругосветного плавания. Плюс сумму, полученную во время подготовки экспозиций, уже в чине канцеляриста. Так что я являюсь вполне обеспеченным человеком.

– Рад за тебя, Матвей. И дай Бог, чтобы у тебя было все благополучно и в дальнейшем.

– Андрей Петрович, да разве вы не понимаете, что всем этим я обязан исключительно вашему покровительству?! Благодаря вам я почувствовал себя человеком, не только нужным для общества, но и стал даже причислен к дворянскому сословию.

– Не только этому, но и твоим способностям, Матвей. Я бы даже сказал твоему таланту.

Тот засветился от похвалы благодетеля:

– У нас, Андрей Петрович, способных и талантливых – хоть пруд пруди, а пробиваются из низов единицы. Поэтому я никогда не забуду всего того, что вы сделали для меня, и навсегда останусь вашим верным и надежным помощни-

КОМ.

Андрей Петрович встал и крепко пожал руку вскочившему со стула Матвею.

* * *

Наконец Андрей Петрович сделал долгожданное для Анны Михайловны предложение ее дочери руки и сердца. Вскоре состоялась помолвка, а затем и венчание. После свадебного путешествия по Европе Ксения, к великой радости ма-тушки Андрея Петровича, переехала в их дом.

Семейная жизнь, несмотря на некоторые опасения Андрея Петровича, не тяготила его. Ксения, окончившая Смольный институт благородных девиц, была образованным человеком, владела несколькими иностранными языками и, с учетом природного такта, присущего ей, не только отвечала требованиям примерной супруги, но и, как могла, помогала Андрею Петровичу в его ученых и литературных делах.

Первая часть романа уже поступила в книжные магазины и пользовалась настолько большим спросом, что издатель срочно подготовил его второе издание, увеличив тираж и, соответственно, и так не малый гонорар автору.

Когда Андрей Петрович принес домой авторские экземпляры первой части романа, Ксения с благоговением взяла один из них в руки, поднесла к лицу и, вдохнув терпкий типографский запах, исходящий от него, нежно поцеловала

тесненный золотом переплет.

– Ты что это, Ксюша?! – удивленно спросил Андрей Петрович.

– А ты как думал, Андрюша? – с повлажневшими от радости глазами ответила та. – Ведь это же твой литературный первенец.

Андрей Петрович порывисто обнял ее:

– Спасибо, дорогая! Это высшая награда для меня...

Теперь он дописывал вторую часть, благо, что события, описываемые в ней, были еще свежи в памяти. За время, прошедшее после выхода Антарктической экспедиции из высоких южных широт до возвращения в Кронштадт, были уже в основном описаны коллизии, связанные с открытием Южного материка. И Матвей с Ксенией в две руки переписывали начисто ее черновики.

Матвей по-прежнему жил в большом доме Андрея Петровича. Надо отметить, что присвоение чина коллежского регистратора не вскружило ему голову, ибо он отлично понимал, чья это в первую очередь заслуга. Он очень уважительно относился и к юной Ксении, хотя и несколько ревновал ее за прекрасный почерк, не хуже, чем у него. Да к тому же она могла запросто обращаться к Андрею Петровичу за уточнениями, если обнаруживала какие-то вопросы в тексте.

Тем не менее совместная работа у них спорилась, и к окончанию романа был готов и его чистовик сразу в двух экземплярах. По этому поводу Андрей Петрович организо-

вал, по его выражению, «творческий вечер с возлияниями», так как Матвей уже имел право принимать горячительные напитки в его присутствии. Это еще больше сблизило их и без того дружный творческий коллектив.

* * *

Наконец-то Андрей Петрович смог выполнить обещание, данное батюшке перед его кончиной: он собрался объехать все имения со своего рода инспекцией работы их управляющих.

Ксения, узнав об этом, засобиралась в поездку вместе с мужем, но Андрей Петрович, предвидя малоприятные сцены разборок с управляющими, не посоветовал ей делать этого. Она было обиделась, но затем, прикинув что-то в уме, мягко сказала:

– Тебе, Андрюша, конечно, виднее, – и назревавшая было размолвка так и не состоялась.

Покойный батюшка оказался прав. Управляющие именьями, пользуясь бесконтрольностью со стороны хозяина в течение многих лет, привыкли к безнаказанности и беззастенчиво грабили крепостных. В имении в Тверской губернии Андрей Петрович обнаружил факты самовольных поборов с крестьян, но решил ограничиться лишь жестким разговором с его управляющим. В Новгородской же губернии, пораженный алчностью управляющего, он взашей выгнал его,

заставив возместить понесенные убытки.

А вот в имении во Владимирской губернии царил полный беспредел. Когда Андрей Петрович приехал в него, холопы повалились к нему в ноги, умоляя избавить их от ненавистного управляющего, доведшего их семьи до разорения. Андрей Петрович, не мудрствуя лукаво, отдал его под суд, который приговорил того за самоуправство и насилие над крепостными к каторжным работам с конфискацией имущества в пользу владельца имения. Перед отъездом Андрей Петрович наказал новому управляющему после получения денежных средств от реализации имущества бывшего управляющего распределить их по справедливости между холопами, понесшими ущерб.

Покидая имение, Андрей Петрович был потрясен: за брочкой толпой бежали мужики, иступленно осеняя его крестным знамением. Когда же он приказал кучеру погонять лошадей, народ наконец-то отстал, и вдруг, как по команде, повалился на колени, протягивая руки в сторону своего милостивого барина.

«Много ли надо человеку?! – подумал он, когда мужики скрылись из вида. – Всего-навсего элементарной справедливости... Допустим, – рассуждал он, – у какого-нибудь холопа родился сын Иван, а в это же время у барина – сын Владимир. Барчук, окончив Морской корпус, приходит для прохождения дальнейшей службы на флот мичманом, где служит матросом Иван, направленный туда же по рекрутской

повинности на долгие двадцать пять лет. После четверти века, дослужившись, даст бог, до чина унтер-офицера, Иван возвращается в деревню бобылем, в то время как Владимир уже щеголяет черными орлами на шитых золотом эполетах и имеет семью. Какая уж тут справедливость?.. Хотя, ради той же справедливости, надо отметить, что и рабовладельцы, и феодалы, живя за счет труда рабов и крепостных, создавали великие произведения искусства... Так, может быть, как раз в этом и состоит социальная справедливость?»

По возвращении Андрея Петровича в Петербург Ксения, видя его подавленное состояние, участливо спросила:

– В чем дело, Андрюша?

Тот только безнадежно махнул рукой:

– Воруют, Ксюша, ох, как воруют. Так же, как, наверное, и по всей матушке России...

И она больше не стала допытываться у мужа подробностей поездки, чтобы не расстраивать дорогого ей человека, прекрасно зная, что позже он и сам подробно расскажет ей обо всем пережитом, что доказывал не раз.

* * *

Лишь одно обстоятельство омрачало их дружную семью. Проходил месяц за месяцем, а Ксения все никак не могла забеременеть. По ночам она горячо обнимала Андрея Петровича, моля Всевышнего о зачатии, но все безрезультатно.

Зная об ожидании супругом наследника, расстроенная Ксения призналась ему, что и у ее матери, Анны Михайловны, были в свое время те же проблемы. Андрей Петрович посоветовал ей, во-первых, поподробнее расспросить Анну Михайловну о том, какие меры та предпринимала для рождения ребенка, а во-вторых, решил сам обратиться к врачам за соответствующей консультацией.

Как выяснилось, основным средством, которое могло способствовать положительному решению проблемы, оказалось лечение целебными водами. Анна Михайловна в свое время проходила курс лечения от бесплодия в Германии, но ныне врачи советовали Ксении ехать на Северный Кавказ, где были источники минеральных вод, превосходившие германские по лечебным свойствам.

Имелись в этой поездке и сомнения, связанные с возможными набегами горцев. Однако с назначением в 1816 году командиром Отдельного Грузинского корпуса генерала Ермолова все изменилось к лучшему. Передний край Кавказской линии перенесли значительно южнее, и набеги горцев прекратились.

Кроме того, по личному представлению Ермолова правительством были выделены средства на обустройство лечебниц Кисловодска и Пятигорска. Лечебная грязь, добываемая из озера Тамбукан в окрестностях Пятигорска, по мнению докторов, как раз и являлась наиболее радикальным средством для лечения бесплодия. Поэтому Андрей Петрович,

посоветовавшись с Анной Михайловной, принял решение ехать с Ксенией туда.

* * *

И вот наконец-то чудо свершилось! Через девять месяцев в один прекрасный день дом наполнился суматохой. Взволнованная матушка и дворовые девки бегали туда-сюда с тазиками и кувшинами, полотенцами и простынями. Всем этим тарарамом, непонятным со стороны, уверенно руководил Георг Францевич, доктор семьи, человек уже в возрасте, которого Андрей Петрович помнил столько же, сколько жил на свете.

Они с Александром Владимировичем, отцом Ксении, и Матвеем сидели в кабинете, ожидая исхода родов, и каждый раз вздрагивали, когда из спальни раздавались приглушенные стоны и вскрики Ксении. Когда же в спальне раздавался детский крик, они все разом истоиво перекрестились.

Вскоре в дверях кабинета появился усталый, но с видом человека, добротнo сделавшего свое дело, Георг Францевич. Сняв пенсне, он, близоруко прищурившись, произнес:

– Ну что же, Андрей Петрович, можете пройти к Ксении Александровне.

Ксения раскинулась на постели, положив голову на высоко взбитые подушки, а рядом с ней неосознанно взирал на открывшийся перед ним неведомый мир спеленатый мла-

денец.

– Девочка... – голос ее совсем ослаб, и глаза наполнились слезами. Уж она-то, как никто другой, знала, с каким нетерпением тот ждал рождения наследника.

Андрей Петрович, будучи твердо уверенным, что у него непременно родится сын, растерянно посмотрел на жену. Как же так?! Однако он быстро взял себя в руки.

– Раз у нас есть дочь, то будет и внук, наследник.

Ксения с тревогой взглянула на мужа – уж не утешает ли он ее, неудачницу? Но увидев его улыбающееся лицо, она тоже улыбнулась:

– Непременно, Андрюша! – и прижала к себе рукой младенца. Ее глаза наполнились прямо-таки через край бившей материнской любовью.

«Материнская любовь... – вздохнул Андрей Петрович. – Нас, мужчин, Господь лишил такого чувства... Ну что же, буду любить свое дитя своей, отцовской любовью. И еще неизвестно, какая из них нужнее ребенку, – он улыбнулся своим мыслям. – Тоже мне, философ! Как будто не ясно, что тому нужна и та и другая, вместе взятые».

– Ты чего улыбаешься, Андрюша?

Андрей Петрович вздрогнул, как будто Ксения и впрямь проникла в его сокровенные мысли.

– Как думаешь назвать дочку, Ксюша? О мужском имени я побеспокоился, а вот к женскому оказался явно не готов.

– Подвела тебя твоя Ксюша, ох как подвела, – опечалилась

та, но тут же улыбнулась. – А если серьезно, то я хотела бы назвать дочь Елизаветой. Ты как на это смотришь, Андрюша?

– А что? Елизавета Петровна была очень даже неплохой императрицей. Тем более что имя другой великой русской императрицы я уже дал открытой мной земле...

Ксения благодарно улыбнулась и, нежно посмотрев на девочку, ласково произнесла:

– Видишь, какой у тебя предусмотрительный папа? Будешь ты у нас Лизонькой, дочка...

* * *

Неожиданно к Андрею Петровичу через Петербургскую академию наук обратился капитан-лейтенант барон Врангель с просьбой о встрече.

Они были знакомы, так как барон служил мичманом на шлюпе «Камчатка» под командой Головнина, который в 1818 году инспектировал деятельность главного правителя Русской Америки Баранова в Ново-Архангельске. Это были неприятные воспоминания, ибо Баранов, которого Андрей Петрович очень уважал, был отстранен Головниным от должности в соответствии с высочайшими полномочиями и тот, не выдержав несправедливости, в том же году скончался у индонезийского острова Ява. Скончался на семьдесят третьем году жизни, на борту шлюпа «Кутузов» при воз-

вращении в Петербург.

Тем не менее Андрей Петрович дал согласие на встречу. Он учтиво встретил гостя и провел его в свой кабинет, в то время как Ксения, напряженно наблюдавшая за ними, женским сердцем смутно предчувствовала что-то, что может коренным образом изменить ее устоявшуюся и вполне устраивавшую семейную жизнь с супругом.

Собеседники расселись по креслам.

– Прекрасная медвежья шкура, – учтиво отметил Врангель, настраиваясь на важный для него разговор. – Наверное, из Русской Америки? – предположил он.

– Вы совершенно правы, Фердинанд Петрович. Я добыл ее на побережье залива Аляска во время экспедиции по его описанию, – отдал должное наблюдательности гостя Андрей Петрович.

– У меня в кабинете тоже лежит шкура, но только белого медведя.

Хозяин не удивился, зная о том, что Врангель руководил экспедицией по обследованию и описанию берегов Северо-Восточной Сибири, из которой только что вернулся.

– Ох, и намучался я с ней, честно говоря, – улыбнулся барон, – пока доставил ее из Нижнеколымска через Якутск, Иркутск и Красноярск в Петербург.

– Прав все-таки Крузенштерн, предлагая доставлять необходимые товары Российско-Американской компании для ее колоний в Русской Америке на кораблях кругосвет-

ных экспедиций. Это было бы не только быстрее, но и значительно дешевле, – заметил Андрей Петрович.

– Целиком и полностью согласен. А я-то ведь там, в Русской Америке, находился всего несколько месяцев, да и то только в Ново-Архангельске, – с явным сожалением отметил Врангель. – В то время как вы, Андрей Петрович, исследовали владения Российско-Американской компании в течение полутора десятков лет, исходив их вдоль и поперек.

– Оказывается, вы хорошо осведомлены о моей персоне, – усмехнулся Андрей Петрович.

– А как же иначе? – неподдельно удивился Врангель. – Я же с большим интересом прочел ваш роман о приключениях как в Русской Америке, так и в Калифорнии, и в Новой Зеландии. А вот теперь с нетерпением жду вторую часть романа уже о перипетиях экспедиции Беллинсгаузена в поисках Южного материка.

Андрей Петрович улыбнулся и, подойдя к книжному шкафу, взял вторую часть, только что вышедшую из печати, сделал на ней дарственную надпись и протянул барону. Тот, прочитав вслух: «Фердинанду Петровичу Врангелю, мореплавателю и исследователю северных земель, на добрую память от автора, исследовавшего земли южные», – горячо воскликнул:

– Огромное спасибо, Андрей Петрович, за столь дорогой для меня подарок, – и, благодарственно пожимая руку автору, лукаво добавил: – А вы, оказывается, тоже очень хорошо

осведомлены о моих скромных делах.

– Соответственно, Фердинанд Петрович, соответственно, – улыбнулся хозяин кабинета.

– Я действительно только что вернулся из экспедиции Магаданского отряда, которым руководил. И впал в унынье от вынужденного безделья. Но, к счастью, вскоре по протекции Василия Михайловича Головнина получил предложение возглавить кругосветную экспедицию на военном транспорте «Кроткий». К великому сожалению, это не научная экспедиция, а чисто коммерческая. В связи с необходимостью доставлять грузы Российско-Американской компании стали в большом количестве строить суда с повышенной грузоподъемностью и меньшей численностью команды. Как раз таким судном и является «Кроткий»... Тем не менее я надеюсь, что во время плавания мне посчастливится открыть еще неизвестные до сих пор острова или хотя бы один. Мне кажется, что вам, открывшему атолл Екатерины, эти мои устремления вполне понятны, – улыбнулся он.

Андрей Петрович, ностальгически вздохнув, утвердительно кивнул.

– В этом случае мне, как капитану, – продолжил Врангель, – хотелось бы иметь на судне человека, который был бы способен грамотно и достоверно сделать их описание. У меня в подчинении будет всего-навсего шесть офицеров. Поэтому кандидатуры, более отвечающей этим требованиям, чем ваша, уважаемый Андрей Петрович, я просто не вижу, –

заметив скептическую улыбку, промелькнувшую на лице собеседника, Врангель напористо продолжил: – Я, конечно, понимаю, что, после Антарктической экспедиции с ее масштабами и уровнем научного обеспечения, мое предложение может показаться чуть ли не кощунственным. Но тем не менее считал возможным сделать вам его, – он выжидающе посмотрел на Андрея Петровича...

– Дело не в масштабах, Фердинанд Петрович. Вы все правильно рассчитали, – улыбнулся он. – Я сейчас действительно оказался не у дел, закончив оформление по высочайшему повелению экспозиций в музее Адмиралтейского департамента и дописав наконец-то свой роман, – он кивнул на книгу, которую барон продолжал держать в руках. – Одним словом, я нахожусь в том же состоянии, о котором вы только что упоминали. – Шувалов замолчал, задумавшись. – Однако для моего согласия необходимо соблюсти одно неременное условие.

– Какое, Андрей Петрович? – подался всем телом вперед Врангель.

– Полная независимость моих ученых дел.

– Какие вопросы, Андрей Петрович?! – барон вытер носовым платком выступившую испарину. – Я гарантирую вам полное невмешательство во все ваши научные исследования! В любые, которые сообразоволюте проводить. А квалифицированную помощь вам в этом случае окажут лейтенант Матюшкин и штурман Козьмин, имеющие большой опыт

в картографии.

– Открытие неизвестных островов – голубая мечта любого мореплавателя, Фердинанд Петрович. Только, к глубокому сожалению, далеко не каждому из них выпадает на долю это ни с чем не сравнимое счастье. Я, к примеру, разбудил меня хоть самой глубокой ночью, тут же назову точные координаты атолла Екатерины, – рассмеялся Шувалов.

Рассмеялся и его собеседник, благодарный ученому за понимание, чувствуя, что мечта заполучить в свою команду столь известного ученого близится к исполнению.

– Острова островами, их может попросту и не оказаться, – Андрей Петрович заметил, что барон при этом поморщился, как от зубной боли, – а вот проведение систематических метеорологических и гидрологических исследований на протяжении всего маршрута экспедиции – это вполне выполнимая задача.

– Вы чудесник, Андрей Петрович! – возбужденно воскликнул Врангель. – На ровном месте сформулировали не просто задачу, а целую научную проблему. Теперь мне будет чем козырнуть при пробивании вашей должности в Морском департаменте! – он умышленно опустил слово «будущей», небеспочвенно считая вопрос об участии ученого в плавании на «Кротком» делом уже решенным.

– Вот и прекрасно, Фердинанд Петрович! – заключил Андрей Петрович. – Я даю свое согласие на участие в вашей экспедиции, а посему у нас с вами, как мне представляется,

ся, – он заговорщицки улыбнулся, – будет достаточно времени для продолжения наших научных дискуссий.

– Большое спасибо, Андрей Петрович! У меня прямо-таки гора с плеч свалилась.

И они, встав, крепко пожали руки, оставшись вполне довольными результатами встречи.

Глава вторая

Снова в море

Ксения внешне спокойно восприняла решение мужа о новом кругосветном плавании. Умом она понимала его внутреннее состояние, обусловленное слишком долгим ожиданием наследника, и поэтому считала, что ему пойдет на пользу занятие своим любимым делом. В то же время ее душа любящей женщины протестовала против необходимости расставания на столь длительный срок. И эти противоречивые чувства вносили сумятицу в ее еще не окрепшую от жизненных испытаний юную душу.

23 августа 1825 года во время проводов экспедиции на пристани Кронштадта, когда раздался пушечный выстрел с «Кроткого», Андрей Перович крепко обнял Ксению, без смущения прильнувшую своим гибким телом к нему и прошептавшую: «Возвращайся здоровым и невредимым — я буду очень ждать тебя». Он крепко пожал руки своему тестю и Матвею, который чуть ли не со слезами на глазах провожал своего покровителя в дальнейшее плавание уже одного, а затем, не оборачиваясь, широким шагом направился к катеру, чтобы провожающие, не дай бог, не увидели его слез, предательски выступивших на глазах.

Андрей Петрович вышел на верхнюю палубу. Вокруг, до самого горизонта, простирались свинцовые волны Балтийского моря. Это тебе не лучезарные воды южных морей, ласкающие взгляд, зато именно к ним стремились поколения русских еще со времен Ивана Грозного. И он, русский офицер, верный сын своего Отечества, преисполнился благодарности к ратным делам предков, прорубивших, по образному выражению великого Петра I, «окно в Европу».

Они с капитаном Врангелем заранее обсудили порядок проведения научных работ. Договорились, что метеорологические и гидрологические наблюдения будут проводиться регулярно четыре раза в сутки в течение всего плавания вахтенными сменами под руководством вахтенных офицеров.

– По этому поводу у меня, Фердинанд Петрович, будет к вам одна просьба. По идее, результаты наблюдений необходимо фиксировать в особом журнале. Однако по печальной участи, постигшей документы многих экспедиций, они могут затеряться в пыльных архивах департаментов Морского министерства. В то время как шканечные журналы⁶ судов Военно-морского флота передаются на вечное хранение. Поэтому я хотел бы испросить вашего разрешения на то, чтобы

⁶ Шканечный журнал – судовой журнал на военных кораблях.

результаты этих наблюдений заносились именно в шканечный журнал «Кроткого».

– Нет проблем, Андрей Петрович, – облегченно вздохнул капитан. – Я дам соответствующее указание старшему офицеру.

– Большое спасибо, Фердинанд Петрович, за содействие, – Андрей Петрович полупоклоном ответил на согласие. – Однако лучше, чтобы эти записи производил один и тот же человек, так как единообразием они бы в дальнейшем способствовали более успешной их обработке.

– Сразу виден подход к делу опытного ученого, – удовлетворенно улыбнулся капитан. – Мне пришлось столкнуться с подобной проблемой при подготовке отчета о Колымской экспедиции, – он призадумался. – Поручим, пожалуй, вести эти записи штурману Козьмину.

Андрей Петрович согласно кивнул головой.

– А у вас, Фердинанд Петрович, – снисходительно улыбнулся он, – на «Кротком», как мне кажется, присутствует почти весь состав вашего Колымского отряда?

Теперь улыбнулся уже Врангель:

– Кроме меня в команду «Кроткого» входят только четыре человека из Колымского отряда: лейтенант Матюшкин, штурман Козьмин и доктор медицины Кибер.

– Но ведь эти четверо составляют более половины командного состава судна! – откровенно рассмеялся тот.

– Это является общепризнанной практикой, когда капи-

тан сам формирует командный состав вверенного ему корабля. При этом он, несомненно, отдает предпочтение тем лицам, которых хорошо знает и которые проверены в деле, – улыбнулся капитан-лейтенант.

– Я весьма признателен вам за приглашение и моей скромной персоны, Фердинанд Петрович. А также за то, что предоставили самые современные навигационные, астрономические и метеорологические инструменты.

– Это не только моя заслуга. Я ведь сделал заявку на эти инструменты лишь после того, как была утверждена ваша должность ученого натуралиста, уважаемый Андрей Петрович.

* * *

Заходы в Копенгаген и Портсмут остались позади, и «Кроткий» бороздил уже просторы Атлантического океана.

Андрей Петрович не мог не отметить преимущества одиночного плавания. При совместном приходилось в темное время суток систематически жечь фальшфейеры⁷, чтобы обозначить места судов относительно друг друга. А туманы, а жестокие штормы? Капитаны боялись потерять друг дру-

⁷ Фальшфейер – аварийная свечка, вспышка или свеча бедствия, сигнальная шашка – пиротехническое сигнальное устройство в виде картонной гильзы, наполненной горючим составом.

га из вида, поэтому флагман вынужден был назначать точки randеву на случай разлучения судов, а затем томительно ожидать подхода отставшего, мучаясь сомнениями, не случилось ли чего с ним, не дай бог, непоправимого. Всё это изматывало. В то время как в одиночном плавании капитан самостоятельно выбирал курс и скорость движения судна, исходя лишь из метеорологических условий и степени волнения водной поверхности. Одним словом, капитан чувствовал себя вполне комфортно. Когда Шувалов поделился своими мыслями по этому поводу с Фердинандом Петровичем, тот сразу же согласился с ученым.

Свободного времени оказалось более чем предостаточно, и Андрей Петрович решил привести в порядок свои путевые записки. Он работал в своей каюте, которая была, конечно, не такой шикарной, как адмиральская на «Востоке» во время плавания Антарктической экспедиции под командой Беллинсгаузена. Но и не такой тесной, как на «Надежде», во время плавания под командой Крузенштерна. В общем, она вполне удовлетворяла своего хозяина.

Его новый вестовой Тимофей, предоставленный капитаном, производил достаточно хорошее впечатление. Однако Андрей Петрович был несколько удивлен, когда тот обратился к нему, титулуя «Ваше высокоблагородие». Это на самом деле и соответствовало его чину капитана гвардии, но ведь даже к капитану корабля вестовой обращался только как «Ваше благородие» – в соответствии с чином Вран-

геля. Выходит, Фердинанд Петрович предусмотрел даже такую «мелочь», предупредив вестового о форме обращения к новому барину. «Интересное открытие, – отметил Андрей Петрович. – Стало быть, барон действительно очень нуждается во мне. Вернее, в моих знаниях».

Тимофей не удивился, когда обнаружил, разбирая вещи барина, парадный мундир капитана гвардии Преображенского полка. Однако его сразили две серебряные звезды на нем. Аккуратно, с благоговением он положил на полку бельевого шкафа красную с черной каймой орденскую ленту Святого Владимира I степени, а поверх нее – красный эмалевый крест Святой Анны II степени. Поставив в угол офицерскую шпагу с синим самоцветом на эфесе, вестовой проникся огромным уважением к своему барину. «То-то будет, чем удивить вестовых других офицеров и даже самого господина капитана!» – радостно, с чувством превосходства и с гордостью за своего барина подумал он, предвкушая взгляды завистников.

Слуги гордятся знаками отличия своих господ даже больше, чем сами их обладатели.

* * *

В тропиках Андрей Петрович как-то решил удивить своих

спутников. На шкафуте⁸ собрались все офицеры, а несколько в стороне толпились любопытствующие матросы. Он взял пустую бутылку, плотно заткнул ее пробкой, на наружной стороне которой был вырезан крест, перевязал горлышко сложенной вчетверо холстиной и опустил ее на глубину 200 сажений⁹.

Когда бутылку вытащили на палубу, она оказалась наполнена водой, холстина сверху была прорвана, а пробка стояла на месте, но повернутая другой стороной – да так крепко, что ее с большим трудом удалось вытянуть.

– Да вы просто чародей, Андрей Петрович! – воскликнул пораженный лейтенант Матюшкин. – Если вы не против, я хотел бы сам попробовать выполнить этот фокус.

– Отчего же, Федор Федорович? Дерзайте!

Тот тщательно повторил все операции и когда поднял бутылку на палубу, результат был тот же – пробка в горлышке бутылки оказалась перевернутой. Присутствующие вопросительно посмотрели на Андрея Петровича.

– Все очень просто, господа. Теплый воздух, находящийся в бутылке, при погружении на глубину, где температура воды гораздо ниже, охлаждаясь, сжимается, и пробка под действием мощного давления толщи воды проталкивается внутрь бутылки, которая и наполняется водой. Когда же

⁸ Шкафут – средняя часть верхней палубы между передней (фок) мачтой и последующей за ней (грот) мачтой или между носовой и кормовой надстройками.

⁹ Около 400 метров.

начинается ее подъем, вода в бутылке постепенно нагревается, увеличивая свой объем, и пытается вытолкнуть пробку обратно. Но так как пробка имеет слегка коническую форму, то в конце концов она, повернувшись, вталкивается в горлышко именно бывшей нижней стороной, имеющей меньший диаметр. А дальнейшее увеличение объема нагревающейся воды приводит к увеличению давления на пробку, плотно вгоняя ее в отверстие горлышка. Вот, собственно, и весь секрет фокуса, господа, – удовлетворенно улыбаясь, заключил Андрей Петрович.

– И где же вы обучились этим премудростям, Андрей Петрович? – спросил капитан, весьма довольный эффектом, произведенным на его офицеров.

– Эти опыты, Фердинанд Петрович, проводил Михаил Петрович Лазарев, капитан шлюпа «Мирный», во время Антарктической экспедиции, – пояснил тот. – Однако надо иметь в виду, что подобный эффект возможен только при довольно значительной разности температур воды на ее поверхности и на глубине. А посему наиболее подходящим местом для подобных опытов как раз и является тропические воды океанов.

Капитан сделал шаг вперед:

– Разрешите мне от имени офицеров «Кроткого» поблагодарить вас, уважаемый Андрей Петрович, за столь поучительные опыты, доставившие нам истинное удовольствие, – с подъемом произнес Фердинанд Петрович, почтительно по-

жимая руку ученому под бурные аплодисменты окружающих.

* * *

– Еще во время первого кругосветного плавания по инициативе натуралиста Лангсдорфа, моего учителя по естественной истории, на «Надежде» собирали летучих рыб, попадавших на палубу шлюпа, и жарили их для кают-компании. Получалось, должен отметить, отменное блюдо. Это же свежая рыба, а не осточертевшая солонина! – обратился как-то Андрей Петрович к капитану. – Может, попробуем отвезти даров моря с, так сказать, доставкой на дом?

– Вы так считаете, Андрей Петрович? – с некоторой настороженностью спросил Врангель.

– Безусловно, Фердинанд Петрович! Дело-то проверенное, – убежденно ответил тот. – Меня несколько смущает только одно обстоятельство.

– Какое, Андрей Петрович? – насторожился капитан.

– Высота борта здесь несколько больше, чем у шлюпа, а посему, вполне возможно, что количество попадающих на нее рыб может оказаться не вполне достаточным для приготовления деликатеса для всех господ офицеров.

Капитан откровенно рассмеялся:

– Да старший офицер мне уже неоднократно жаловался, что вахтенные смены не успевают выбрасывать этих «мерз-

ких», по его выражению, летучих рыб за борт.

– Ай-ай-ай, какое расточительство! – притворно воскликнул Андрей Петрович.

– К тому же офицеров на транспорте почти вдвое меньше, чем на шлюпе, – загораясь идеей, уточнил капитан. – Поэтому даю указание старшему офицеру организовать сбор летучих рыб с последующей их доставкой на камбуз...

Вечером в каюту Андрея Петровича кто-то осторожно постучал, и в дверях появился сам Фердинанд Петрович с подносом в руках, на котором горкой возвышались аппетитные тушки поджаренных рыб.

Андрей Петрович встал из-за стола, отложив в сторону гусяное перо.

– Не мог отказать себе в любезности лично преподнести вам, Андрей Петрович, этот деликатес, как вы выразились, из даров моря. Честно говоря, не ожидал, что из этих «мерзких» рыб получится столь достойное блюдо.

– На мой взгляд, это не просто блюдо, а и прекрасная закуска, Фердинанд Петрович! – лукаво заметил Андрей Петрович.

Лицо капитана просияло – совершенно неожиданно появился повод впервые провести время с ученым, который был старше его лет на пятнадцать, в, так сказать, товарищеской обстановке.

– Вы какой предпочитаете напиток, Андрей Петрович? – быстро спросил он.

– Мы с Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузеном останавливали свой выбор во время плавания на мадере...

Лицо капитана исказилось гримасой сожаления.

– Но так как «Кроткий» не заходил на Канарские острова, – Шувалов позвонил в колокольчик, – и мадеры в буфете кают-компания нет, то я сделал некоторый запас любимого напитка, – и он дал указание мгновенно появившемуся Тимофею: – Накрой стол на двоих под мадеру. Это будет называться «малой программой», – назидательно пояснил он. – И вместе с вестовым капитана принеси сюда его любимое кресло.

– Есть, ваше высокоблагородие! – коротко ответил вестовой и метнулся в капитанскую каюту выполнять приказание.

Врангель улыбнулся:

– Приучаете Тимофея к своим порядкам?

– А как же! Вестовой должен с полуслова понимать своего хозяина.

– Полностью согласен с вами, Андрей Петрович. Тем не менее должен заметить, что Тимофей толковый, расторопный и исключительно исполнительный матрос.

– А я несколько и не сомневался, что вы не подсунете мне какого-нибудь безмозглого растяпу, – парировал ученый к явному удовольствию капитана.

Они сидели в креслах напротив друг друга, разделенные письменным столом, и колеблющееся пламя свечей скупо освещало их мужественные лица. Это были люди, которых не могли утратить ни свирепые штормы и бури, ни «ревушие сороковые»¹⁰, ни полярные льды. Они были разных возрастов, но их объединяло подвижничество, готовность к самопожертвованию ради достижения великих целей во славу Отечества. Они были из тех, кто порой совершает, казалось бы, невозможное ради познания еще неведомого. Это были люди особой породы, закаленные в схватках с проявлениями дикой, порой беспощадной природы.

Фердинанд Петрович испытывал благодарность к Андрею Петровичу за возможность сблизиться с ним, о чем не раз мечтал, по достоинству оценивая богатый опыт мореплавателя и путешественника и глубокие знания признанного ученого. Перед тем как отправиться «сватать» Шувалова в свою экспедицию, Врангель еще раз прочитал его научную статью с предисловием члена-корреспондента Петербургской академии наук Лангсдорфа о признаках земли значительных размеров в высоких южных широтах и прямо-таки оробел.

¹⁰ «Ревущие сороковые» – поэтическое название, данное моряками океаническим пространствам между 40° и 50° широты в Южном полушарии Земли, где дуют сильные и устойчивые западные ветры, вызывающие частые штормы.

Как же он сможет пригласить известного ученого в свою далеко не научную экспедицию на должность рядового натуралиста? Ведь тот был руководителем ряда экспедиций, организованных Российско-Американской компанией, а в Антарктической – даже заместителем руководителя по ученой части с целым штатом ученых! И тем не менее вот он, барон Врангель, сидит с этим человеком один на один на своем судне и преспокойно потягивает из фужера золотистую мадеру. Фантастика какая-то...

А Андрей Петрович, чувствуя в собеседнике родственную душу, радовался возможности общения с единомышленником. Теперь-то он сможет при необходимости обсудить волнующие вопросы, связанные с возникшими научными предположениями. Раньше он делился своими мыслями с Фаддеем, верным другом. Но тот был более практиком, в то время как Врангель отличался аналитическим складом ума, отточенным в испытаниях Колымской экспедиции, длившейся в течение четырех долгих лет за Северным полярным кругом.

– У меня, Фердинанд Петрович, сложилось впечатление, что между вами и лейтенантом Матюшкиным существуют особые отношения.

– Это вполне естественно, – улыбнулся капитан, – и ни для кого на «Кротком» не является тайной, – он приложился к фужеру и, сделав несколько маленьких, по обычаю флотских офицеров, глотков, отставил его в сторону, как бы

готовясь к длительному разговору, – Федор Федорович обучался в Царскосельском лицее, где подружился с Александром Сергеевичем Пушкиным. Окончил его с первым выпуском и по рекомендации директора лицея Энгельгардта был принят волонтером в кругосветную экспедицию под командой Головнина на шлюпе «Камчатка». Вот там-то мы и встретились с ним.

У нас сразу же сложились те же отношения, что и у вас, Андрей Петрович, с мичманом Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузенем на шлюпе «Надежда». Я на совместных вахтах обучал Федора Федоровича, исполнявшего должность гардемарина¹¹, основам управления парусным судном, и уже через некоторое время он стал нести самостоятельные вахты наравне с офицерами шлюпа, исполняя должность вахтенного офицера. По окончании плавания он по представлению Головнина был произведен в мичманы.

– Меня Крузенштерн тоже хотел по окончании плавания представить к производству в мичманы, однако я предпочел пойти другим путем, – признался Андрей Петрович. – За что и получил нагоняй от камергера Резанова, бывшего в то время полномочным посланником России в Японии. Торговая миссия его находилась на «Надежде», а я состоял ее членом.

– У каждого из нас действительно свои пути-дороги, – за-

¹¹ Гардемарин – чин в российском Военно-морском флоте, установлен Петром I в 1716 году для воспитанников старшинских рот Морской академии при направлении во флот на практику. После практики гардемарины получали офицерский чин.

думчиво произнес Врангель. – Надеюсь, вы не жалеете о выбранном вами пути ученого? – улыбнулся он.

– Ни в коем случае, Фердинанд Петрович. Ни в коем случае. За время пребывания в Русской Америке у меня сложился вполне независимый характер. Вы, кстати, не почувствовали этого?

– Отчасти, Андрей Петрович, – мягко улыбнулся барон.

– А вот моя супруга, Ксения Александровна, в отличие от вас почувствовала это, мне кажется, в полной мере.

И они рассмеялись, пододвинув к себе фужеры. Их служебные отношения явно переходили в дружеские...

– После возвращения экспедиции и «Камчатки» в Кронштадт, – продолжил Врангель, – Головин почти сразу же предложил мне возглавить Колымский отряд, целью которого помимо уточнения карты северо-востока России были розыски земли к северу от Чукотского полуострова, о наличии которой ходили упорные слухи, а также окончательное разрешение гипотезы о соединении Азии с Америкой. И хотя существование пролива между Азией и Америкой было установлено еще Дежневым и подтверждено экспедицией Беринга, все же имело хождение предположение, что Америка, так называемая «Большая Земля», где-то на северо-востоке соединяется с Азией узким перешейком, идущим от Шелагского мыса¹². В связи с этим детальное обследование Чукот-

¹² Шелагский мыс – самый северный мыс Чукотки; расположен под 70°06' с.ш. и 170°36' в.д. Мыс был открыт Семёном Дежнёвым в 1648 году и назван:

ского побережья представляло особый интерес. Поэтому я дал согласие и пригласил с собой Матюшкина.

Прибыв в конце июля двадцатого года в Якутск, я направил Федора Федоровича в Нижнеколымск подготовить место для астрономических наблюдений и закупить пятьдесят нарт и шестьсот ездовых собак.

– Шестьсот собак?! – удивленно воскликнул Андрей Петрович.

Фердинанд Петрович снисходительно улыбнулся:

– А как же? Ведь обследование берегов на протяжении многих сотен верст¹³ можно было проводить только на собачьих упряжках – весной и летом по прибрежному льду. Потому как в это время года тундра превращается в совершенно непроходимую местность, по которой в состоянии передвигаться лишь стада северных оленей в поисках ягеля. К зиме мы возвращались на нашу базу в Нижнеколымске. Кроме того, нужно было совершать и дальние походы по льду к северу от берегов в поисках так называемой «Земли Санникова», о которой ходили легенды.

– Мне несколько знакома эта проблема, – пояснил Андрей Петрович. – В свое время я намеревался по предложению главного правителя Русской Америки организовать экспедицию по обследованию северного побережья полуострова Аляска с целью определить, возможно ли обустроить

мыс Первый Святой Нос.

¹³ Верста – старинная русская мера расстояния, равная примерно 1066 метрам.

там пушной промысел песка. Поэтому и проводил предварительные расчеты потребного количества собачьих упряжек. Потому-то приведенное вами количество заказанных собак и вызвало мое удивление. Ведь ваш отряд, по вашим же словам, насчитывал всего семь человек.

– Вы, Андрей Петрович, и в этом вопросе стоите на высоте. Количество закупленных нами ездовых собак действительно оказалось несколько завышенным.

Тот откровенно рассмеялся:

– Сразу видно, что рядом с вами, Фердинанд Петрович, не было Ивана Александровича Кускова, помощника главного правителя Русской Америки Баранова. Тогда бы вам не пришлось столь вольно распоряжаться казенными деньгами.

– Неужели Российско-Американская компания с ее огромными прибылями ущемляла вас как руководителя экспедиций в финансовом отношении? – откровенно удивился уже Врангель.

– Ни в коем случае. Я никогда не испытывал недостатка в денежных средствах. Просто Иван Александрович имел звание коммерции советника¹⁴, а посему весьма скрупулезно рассчитывал все предстоящие расходы. И я привык к этому, хотя зачастую и спорил с ним, – он улыбнулся, вспо-

¹⁴ Коммерции советник – почетный титул, установленный в 1800 году для купечества и сравненный с VIII классом статской службы. В 1824 году установлено, что «сего звания могут быть удостоены купцы, пробывшие в I гильдии 12 лет сряду».

нив, как «выбивал» у Кускова вторую лошадь для экспедиции по обследованию залива Аляска. – Поэтому покорнейше прошу извинить меня за, возможно, несколько нетактичное замечание по поводу количества закупленных вами собак.

Барон приложил руку к сердцу:

– Вы зря так беспокоитесь, уважаемый Андрей Петрович! Это я должен благодарить Всевышнего за возможность откровенно беседовать с вами, так сказать, тет-а-тет. Ведь вы же, не замечая того, преподаете мне уроки в качестве многоопытного руководителя научных экспедиций, – встав, он признательно пожал руку ученому и продолжил: – Когда, закончив описание истории Якутска, и я в феврале уже двадцать первого года прибыл в Нижнеколымск, то узнал, что большая часть из закупленных собак и нарт может быть доставлена лишь в середине марта. Не дожидаясь их доставки, я решил составить небольшой отряд и предпринять путешествие до Шелагского мыса, географическое положение коего было весьма неопределенно.

Мы почти сразу же, уведомив об этом генерал-губернатора Сибири, выехали из Нижнеколымска на трех путевых и пяти завозных, то есть для провианта, нартах. Я имел намерение обозреть берег океана от Большого Баранова Камня¹⁵ до Шелагского мыса, к северу от которого, по утверждению Сарычева, находилась обитаемая матерая земля. А по суще-

¹⁵ Баранов камень Большой и Малый – два мыса в Якутской области на берегах Северного океана, между устьями рек Калымы и Баранихи.

ствовавшему мнению некоторых ученых, располагался пере-
шеек, соединяющий Азию с Америкой. Наш путь лежал че-
рез места, где ранее путешествовали Биллингс и Сарычев.
Поэтому я сравнивал собственные географические опреде-
ления с наблюдениями своих предшественников и был очень
доволен, что они совершенно согласовывались.

Преодолевая трудности в сорокаградусный мороз, мы на-
конец-то достигли Шелагского мыса, далеко вдающегося
в Ледовитое море. Определив его точные координаты,
мы с надеждой через зрительные трубы вглядывались
с его высоких утесов в раскинувшееся к северу простран-
ство, покрытое бесконечными ледяными полями. Но ника-
ких признаков какой-либо земли, расположенной за ними,
так и не обнаружили. Пора было возвращаться на нашу ба-
зу в Нижнеколымск. – Фердинанд Петрович сделал глоток
из фужера, закусив кусочком шоколада. – И тут нас постигло
несчастье, – тяжело вздохнув, продолжил он. – Еще по пути
к Шелагскому мысу мы устраивали на льду продовольствен-
ные склады, а освободившиеся упряжки отправляли назад,
в Нижнеколымск, для экономии корма собак. И каков же был
наш ужас, когда мы обнаружили, что три из четырех этих са-
мых складов были разорены песцами и росомахами! А кру-
гом на сотни верст снежная пустыня...

Андрей Петрович передернул плечами.

– Несмотря на жесточайший режим экономии, введенный
мною, тяжелый голод буквально парализовал людей. Мож-

но было, конечно, съесть собак, но это означало бы верную гибель экспедиции в снежном безмолвии. В этих условиях единственным выходом было поделить с собаками корм. И каким же лакомством казалась нам юкола!¹⁶ Полную норму давали только жожакам упряжек. Упряжки выбивались из сил, и приходилось чаще обычного делать кратковременные остановки.

И все-таки мы кое-как, но добрались до Нижнеколымска! Когда же собаки почуяли близость жилья, то, собрав последние силы, налегли на постромки так, что нарты чуть ли не летели по снегу... – Фердинанд Петрович встал из кресла и несколько раз прошелся по каюте, чтобы Андрей Петрович не заметил слез, блеснувших в глазах этого мужественного человека. Несколько успокоившись, он снова сел и продолжил: – Так что у Августа Эриха Кибера, нашего доктора, появилась новая забота – следить, чтобы путешественники с голоду не съели чего лишнего. Но, слава богу, все обошлось без нежелательных последствий.

– Да, Фердинанд Петрович, пришлось вам хватить лиха... Но какую-нибудь неизвестную ранее землю вам все-таки удалось обнаружить? – заинтересованно спросил Андрей Петрович.

– К сожалению, нет. Мы совершили три дальних похо-

¹⁶ Юкола – вяленая на солнце и ветру рыба. Заготавливалась населением Сибири и Дальнего Востока на зиму для питания людей и отчасти на корм ездовым собакам.

да к северу от берегов, максимально углубившись в Ледовитое море на двести шестьдесят верст, но каждый раз встречали непреодолимое препятствие – огромные полыньи. Тем не менее мы с Матюшкиным были убеждены, что такая земля существует. Ведь в один из походов вроде бы рассмотрели у горизонта снежные холмы, да и чукчи убеждали нас, что видели их в этом же самом месте.

– Знакомое чувство, – задумчиво произнес Андрей Петрович. – Когда мы в январе двадцатого года впервые приблизились к Южному материку на несколько десятков миль¹⁷, то увидели какие-то странные белые облака, которые, как потом выяснилось, на самом деле оказались далекими горами, покрытыми снегом.

– Вот видите! – обрадованно воскликнул Фердинанд Петрович. – Именно поэтому я просил разрешения продлить экспедицию еще года на два, в крайнем случае на год, но получил отказ и был отозван вместе с отрядом в Петербург.

– Всякое бывает, – заключил Андрей Петрович, вспомнив судьбу главного правителя Русской Америки Баранова, но не стал из тактичности говорить об этом спутнику Головина – этого злого гения.

– Зато мы с вами благодаря данному факту имеем возможность беседовать на борту «Кроткого», идущего в кругосветное плавание. И я, может быть, смогу открыть какой-нибудь неизвестный доселе остров, – с тайной надеждой взглянул

¹⁷ Миля (морская) – расстояние, равное 1852 метра.

на него Врангель.

– Особо не обольщайтесь, Фердинанд Петрович, – мягко заметил Андрей Петрович. – Ведь по маршруту, которым вы ведете «Кроткий», уже прошли десятки, а может быть, и сотни испанских, голландских, французских и английских кораблей. За последние два десятка лет и наши соотечественники не отставали от них.

– Но вы же сами только что сказали, что, мол, всякое бывает, – напористо настаивал на своем Врангель.

– И то, правда, – рассмеялся Андрей Петрович, прекрасно понимая неукротимую жажду открытий любого мореплавателя.

* * *

Однообразно проходили дни. В течение всего похода вахтенные офицеры четыре раза в сутки проводили астрономические и метеорологические наблюдения, а штурман Козьмин аккуратно записывал их результаты.

После непродолжительной стоянки в Рио-де-Жанейро для исправления повреждений и отдыха команды транспорт вновь вышел в море – курсом на мыс Горн. Это произошло 14 декабря 1825 года, в день выступления гвардейских полков декабристов на Сенатской площади Петербурга. Но об этом офицеры «Кроткого» узнали гораздо позднее.

Легендарный мыс Горн у южной оконечности Америки,

который еще со времен королевского пирата Френсиса Дрейка пользовался у мореплавателей дурной славой, обогнули, как это и бывает почти со всеми кораблями, в жестокий шторм.

Андрей Петрович, глядя на эту черную скалу, угрюмо возвышавшуюся над бушующим морем, вспоминал, как будучи еще совсем молодым человеком и исполняя обязанности вахтенного офицера на шлюпе «Надежда», он, как и сейчас, с уходящего из-под ног капитанского мостика с замиранием сердца взирал на огромные волны, разбивающиеся об этот утес. И как же он был благодарен капитану Крузенштерну, когда тот попросил у него разрешения самому вывести шлюп в Тихий океан... Это были сладостные воспоминания о тех временах, когда вся жизнь, казалось, была еще впереди...

После короткой стоянки в чилийском порту Вальпараисо начали переход через Тихий океан. Встречные ветры и штормы значительно их задержали. Прошло уже два месяца, а цель оставалась еще очень и очень далеко.

– Вот вам и так называемый «Тихий» океан, Андрей Петрович! – усмехнулся Врангель, смахивая с лица брызги пенных волн, разбивавшихся о палубу «Кроткого».

– Ничего удивительного, Фердинанд Петрович. Просто Магеллану и его спутникам повезло больше нашего. Только и всего, – философски заключил ученый.

Андрей Петрович как-то зашел в штурманскую рубку, где над картой колдовал штурман Козьмин. Бегло глянув на прокладку курса транспорта, ученый был удивлен чрезмерной, с его точки зрения, извилистостью курса «Кроткого».

– Что это так затейливо идем, Прокопий Тарасович?

Штурман, ничуть не удивившись вопросу человека, который, как тот уже успел понять, был весьма сведущ в вопросах кораблевождения, с лукавой искоркой в глазах, но тем не менее внешне спокойно ответил:

– Как мне кажется, Андрей Петрович, Фердинанд Петрович специально ведет судно нехоженными еще районами Тихого океана.

– В надежде открыть какой-нибудь неизвестный остров?

– А почему бы и нет? – вопросом на вопрос ответил Козьмин, явно согласный со своим капитаном.

– К сожалению, это маловероятно, – вздохнул Андрей Петрович.

Штурман встревоженно посмотрел на него.

– Дело в том, – пояснил тот, – что эти места Тихого океана уже прошли шлюпы «Надежда» и «Нева» экспедиции Крузенштерна. Причем следовали они разными курсами, потеряв друг друга из вида во время жестокого шторма у мыса

Горн. Да, несомненно, корабли и других морских держав изрядно «потоптались» здесь же.

– Но ведь посмотрите, Андрей Петрович, как огромен этот малоисследованный район Тихого океана, – Козьмин обвел тыльным концом карандаша действительно большой район на карте.

– Может быть, вы и правы, Прокопий Тарасович. Во всяком случае, пожелаем Фердинанду Петровичу успехов в его многотрудных делах, – улыбнулся ученый. – Да, пожалуй, и вам тоже, – добавил он.

Штурман удивленно глянул на него.

– Ведь в случае открытия неизвестного острова он будет нанесен на карту и надписан именно вашей рукой!

– Спасибо за доброе пожелание, Андрей Петрович! – лицо штурмана зарделось от самой возможности такого. – Если бы только оно исполнилось!..

– Все в руках Божьих, Прокопий Тарасович, – развел руками ученый. – Все в руках Божьих...

* * *

Заканчивались пресная вода и дрова. Корабль, изрядно потрепанный штормами, нуждался в ремонте. Для исправления наиболее существенных повреждений, пополнения запасов воды и продовольствия, а также отдыха измученной штормами команды, нужно было сделать где-нибудь кратко-

временную остановку.

– Не подскажите, Андрей Петрович, где можно найти подходящее место для стоянки, находясь почти в самом центре Тихого океана? – озабоченно спросил ученого капитан Врангель. – Ведь вы уже хаживали здесь.

– В свое время Крузенштерн перед прохождением мыса Горн назначил Лисянскому рандеву на случай расхождения шлюпов на острове Пасхи, а в качестве резервного варианта – на острове Нукагива, входящем в группу Маркизских островов. Вот именно на Нукагива они и встретились. Это же почти совсем рядом, Фердинанд Петрович.

Тот задумался.

– И какие впечатления у вас остались от посещения этого острова? – заинтересованно спросил капитан.

– Крузенштерн сделал стоянку в бухте Анны-Мариин. Там произошла стычка с туземцами, которая, правда, закончилась без кровопролития с обеих сторон. В то же время мы с натуралистом Лангсдорфом побывали в заливе Чичагова на противоположной стороне острова. Жители встретили нас вполне радушно, несмотря на то, что за несколько лет до этого их селение было обстреляно из орудий каким-то кораблем европейцев.

Врангель сначала насторожился, а потом уже с явной тревогой слушал ученого. Андрей Петрович, видя его расстроенное лицо, успокоил капитана:

– Надо бы сделать поправку на два десятка лет, прошед-

ших с тех пор. Ведь, несмотря на то, что аборигены убили великого английского капитана Кука, открывшего Гавайские или, как он назвал их, Сандвичевы острова, мореплаватели всех стран тем не менее регулярно посещают их, ни мало не смущаясь произошедшим.

– Спасибо за ценную информацию, Андрей Петрович, а так же за экскурс в историю мореплавания, хотя и довольно печальную, – Врангель благодарно пожал руку ученому. – Я, пожалуй, именно так и сделаю. Но предпочтение все-таки отдам заливу Чичагова, – и направил «Кроткий» к острову Нукагива.

Глава третья

В Тихом океане

Когда показались очертания острова Нукагива, покрытого пышной тропической растительностью, вся команда высыпала на верхнюю палубу. Моряки были очарованы его красотой, предвкушая долгожданный отдых под сенью экзотических прибрежных пальм. А когда легкий бриз донес нежные запахи цветущих растений, все, находившиеся на палубе, притихли, вдыхая их аромат. Только моряки, месяцами бродившие в открытом океане, вдали от берегов, могут оценить непередаваемый словами пленительный запах земли.

– Здесь довольно сложный фарватер между подводными рифами при входе в бухту у селения туземцев, – предупредил Андрей Петрович капитана Врангеля, когда «Кроткий» подошел к заливу Чичагова.

– А вы не сможете провести по нему судно? – живо отреагировал тот.

– К сожалению, нет, Фердинанд Петрович, – честно признался ученый. – Мы приходили сюда на баркасе, а это, сами понимаете, две большие разницы.

– Жаль, – откровенно вздохнул капитан. – Ну что же, будем, помолясь, сами вести. Тем более что входной фарватер в бухту довольно подробно обозначен на карте.

– Это заслуга Григория Ивановича Лангсдорфа, руково-

дившего экспедицией по описанию Нукагивы, и штурманов «Надежды», – засвидетельствовал Андрей Петрович.

– Дай бог им здоровья, – пожелал капитан, и принял управление судном на себя.

Штурман Козьмин, принеший карту на капитанский мостик, поглядывал на нее из-за его плеча, готовый дать необходимую справку.

– Из залива навстречу нашему судну выходит лодка туземцев! – громко доложил сигнальщик. – Под парусом! – тут же уточнил он.

– Ну вот, кажется, объявился и лоцман! – удовлетворенно воскликнул Фердинанд Петрович...

На палубу «Кроткого» поднялся человек с европейскими чертами лица, одетый в потертую матросскую рубашку и такие же штаны. Он по приглашению капитана поднялся на мостик и представился на английском языке:

– Джеймс Ридон, сэр. Матрос с английского купеческого судна.

– Как я понял, – предположил Врангель, – вы намерены помочь нам ввести судно в бухту залива Чичагова?

– Именно так, сэр. Входной фарватер в нее извилист и изобилует надводными и подводными рифами, и даже такому опытному моряку, коим являетесь вы, сэр, будет не просто справиться с этой задачей.

Находившиеся на мостике офицеры усмехнулись, а старший офицер лейтенант Рикорд не выдержал:

– Не слишком ли вы большого мнения о себе, господин беглый матрос?

– Нет, сэр, – ничуть не обиделся тот (не столько на существо вопроса, сколько на интонацию, каким он был произнесен). – Я уже провел в залив и вывел из него в океан несколько кораблей и знаю, о чем говорю.

– Успокойтесь, Генрих Николаевич, фарватер входа в бухту действительно не такой уж и простой, – заметил капитан. И, обращаясь уже к англичанину, приказал: – Становитесь к штурвалу, Ридон! Вахтенный офицер будет при вас переводчиком.

* * *

Когда «Кроткий» стал в бухте на якорь, Ридон, глядя на толпу туземцев, собравшихся на берегу, глухо произнес:

– Должен предупредить вас, сэр, что девять месяцев тому назад к острову подходил какой-то русский двухдечный корабль¹⁸, команда которого забрала силой всех свиней из ближайшего селения.

– А какие есть основания считать, что это был именно русский корабль? – озадаченно спросил Врангель.

– Аборигены утверждают, что после ухода корабля на берегу было найдено несколько курительных трубок.

¹⁸ Двухдечный корабль – корабль с двумя палубами.

Капитан откровенно рассмеялся:

– Неоспоримые доказательства! Оказывается, что из всех морских держав курят только моряки России. И вы поверили в эту чушь, Ридон?

Англичанин пожал плечами:

– Я лично не видел этого корабля, сэр.

– Да будет вам известно, что Россия до сих пор посылала в Тихий океан военные суда с орудиями, установленными только на верхней палубе, как и на нашем «Кротком»: шлюпы¹⁹, корветы²⁰ и бриги²¹. Исключение составил лишь фрегат²² «Крейсер», который вернулся в Кронштадт за полмесяца до выхода оттуда «Кроткого». Я встречался с его капитаном. Он в Южном полушарии Тихого океана посещал только Вандименову землю²³ и остров Таити. И на Нукагиве просто не мог быть. К тому же фрегат не является двухдечным кораблем. Вы-то хоть понимаете это, Ридон?!

¹⁹ Шлюп – трехмачтовое парусное судно XVIII–XIX вв. с прямыми парусами, промежуточное по размерам между корветом и бригом, предназначенное для дальних походов.

²⁰ Корвет – в парусном военном флоте XVIII–XIX вв. легкий трехмачтовый артиллерийский корабль, предназначавшийся для разведки, посыльной службы и выполнения других вспомогательных задач.

²¹ Бриг – морское двухмачтовое парусное судно военного или торгового назначения.

²² Фрегат – в парусном военном флоте трехмачтовый военный корабль (второй по величине после линейного корабля; имел до 60 пушек) главным образом для крейсерства и разведки.

²³ Вандименова земля – старое название острова Тасмания.

– Но так считают аборигены, – смущенно ответил тот, отводя глаза в сторону.

– Тогда, видимо, кому-то очень выгодно поссорить островитян с русскими, – заключил Врангель и многозначительно посмотрел на Андрея Петровича...

Однако отношения с туземцами у моряков «Кроткого» складывались вполне миролюбиво. Приехавшие на корабль в качестве гостей туземцы не обращали никакого внимания на предложенные им подарки, зато весьма настойчиво просили дать им в качестве оплаты за свиней и фрукты порох и ружья. В чем им, естественно, было отказано. Такое необычное поведение все-таки заставило моряков держаться настороже, и, когда приходилось на баркасе отправляться к берегу для налива в бочки свежей воды или рубки дров, они всегда были вооружены и зорко следили за тем, как ведут себя аборигены.

Через несколько дней, утром, для приема свиней, закупленных у островитян, на берег был отправлен под начальством мичмана Дейбнера ялик²⁴ с четырьмя матросами и англичанином Ридоном в качестве переводчика. Врангель приказал матросам держать ружья наготове на банках²⁵ и не подходить к берегу ближе тридцати саженей.

Когда шлюпка стала приближаться к берегу, один из ее матросов с тревогой обратился к мичману:

²⁴ Ялик – небольшая шлюпка с одной или двумя парами вёсел.

²⁵ Банка – сиденье для гребцов и пассажиров на шлюпках.

– Ваше благородие, уж больно много собралось там туземцев!

Англичанин Ридон также обратил его внимание на отсутствие в толпе женщин и детей. Поэтому обеспокоенный Дейбнер потребовал, чтобы живой груз был доставлен туземцами по воде.

Врангель с вахтенным офицером, не отрываясь, следили в зрительные трубы за ходом шлюпки. С корабля было видно, как на нее перетасили одну свинью, затем другую... Полагая, что все в порядке, капитан направился в каюту. Но тотчас же раздался тревожный возглас:

– Наших бьют! – перепрыгивая через ступеньку, вахтенный офицер взбежал на мостик. – Туземцы захватили шлюпку и втащили ее на берег! – срывающимся голосом доложил он.

– Баркас – на воду! Лейтенант Лавров – на руль! – раздались четкие команды капитана.

Едва баркас стал приближаться к берегу, как островитяне дали по нему залп из ружей, убив наповал одного из матросов. Ответный залп русских никакого успеха не имел, так как аборигены стреляли из-за укрытий, маскируясь в прибрежных кустах и за камнями. Сражаться при таких условиях, не зная их численности, было не только бесполезно, но и опасно. Лейтенант Лавров повернул баркас обратно. Заметив плывущих к нему матроса и англичанина с ялика, баркас подобрал их обоих, и обстреливаемый тузем-

цами, приблизился к «Кроткому».

Тем временем на берегу собралась большая толпа островитян. По-видимому, среди них были и моряки, захваченные с ялика. Что делать? Бессильный чем-либо помочь им, Врангель, сжимая кулаки, гневно воскликнул:

– Получайте «подарок» от русских моряков, сволочи! – и отдал команды: – Поставить судно на шпринг!²⁶ Открыть левым бортом огонь на поражение!

Залп картечью из всех восьми орудий левого борта, эхом прогремевший по отдаленным горам, заставил туземцев разбежаться. На берегу остались тела убитых и раненых.

Вдруг с земли поднялся один матрос. Шатаясь, он подбежал к берегу и, тяжело плюхнувшись в воду, поплыл к кораблю. Тотчас навстречу ему помчалась шестерка²⁷, срочно спущенная на воду. Веслагнулись от усилий гребцов, всей мощью налегающих на них, у форштевня²⁸ бился пенный бурн. Быстрее, быстрее! Товарищ попал в беду!

Обессиленного, еле живого матроса Лысухина вытащили из воды. Из глубоких ран на его теле сочилась кровь, из спины торчал кусок сломанного копья. Над ним сразу же стал

²⁶ Постановка корабля на шпринг является разновидностью постановки корабля на якорь и применяется для придания кораблю положения под определенным углом относительно направления ветра или течения.

²⁷ Шестерка (шестивесельный ял) – шлюпка с тремя парами вёсел.

²⁸ Форштевень – здесь: деревянная балка в носу корабля, к которой крепится наружная обшивка носовой оконечности корпуса и которая в нижней части переходит в киль.

хлопотать доктор Кибер.

Придя в себя, Лысухин рассказал, что мичман Дейбнер и матросы Некрасов и Тимофеев были убиты на его глазах, их тела туземцы унесли в лес. Однако мичману Дейбнеру в последний момент удалось крикнуть матросам: «Ребята, спасайтесь! Пусть убьют меня». По этой команде успели прыгнуть в воду матрос Зонов и англичанин Ридон. Все произошло так быстро, что никто из русских так и не успел выстрелить.

– Левым бортом – пали! – раздалась команда лейтенанта Лаврова, и корабль вздрогнул от очередного залпа корабельных орудий.

Моряки «Кроткого» мстили врагам за гибель своих товарищей.

* * *

Хотя и уstraшенные картечью, островитяне, по-видимому, затевали недоброе дело. Рассыпавшись по окрестным холмам вокруг бухты, они продолжали непрерывно стрелять из укрытий.

– Не пора ли нам убираться, Андрей Петрович? – спросил Врангель. – Это западня!

– Самое время, Фердинанд Петрович. Отбить тела убитых на берегу, чтобы похоронить их по морскому обычаю, мы, к сожалению, не сможем. А вот дожидаться появления в за-

ливе с целью захвата «Кроткого» еще туземцев из соседних селений – вполне реальная перспектива.

Капитан утвердительно кивнул головой.

– Вот только как выйти в залив через узкий проход, усеянный рифами, когда нет ни малейшего дуновения ветра, полный штиль? – Шувалов не видел способа.

– Это не беда, Андрей Петрович, – ответил Врангель, сохраняя полное самообладание. – Штурмана – на мостик!

Штурмана Козьмина он послал на баркасе с полным числом гребцов и стрелков в залив для завоза верпа²⁹.

– Только постарайтесь, Прокопий Тарасович, – напутствовал его капитан, – завести верп как можно подальше от судна.

– Не беспокойтесь, Фердинанд Петрович. Все сделаю в самом лучшем виде, – заверил штурман, невозмутимый ни при каких обстоятельствах.

Увидев отошедший баркас, островитяне сосредоточили огонь уже на нем. Врангель приказал лейтенанту Лаврову усилить огонь корабельной артиллерии. К счастью, туземцы не причинили морякам вреда – пули все время плюхались в воду, ложась у самого борта.

Успешно выполнив задание, Козьмин вернулся на судно, где его благодарно обнял Фердинанд Петрович.

– Снять судно с шпринга! Ридон – к штурвалу! – разда-

²⁹ Верп – вспомогательный якорь для снятия корабля с мели, перетягивания на другое место и постановки на шпринг (см. выше).

лись приказы капитана.

Шпилем³⁰ легко оттянулись, и вскоре корабль, минуя опасности, вышел почти на середину залива, туда, где на дне лежал завезенный штурманом верп. Отсюда хорошо были видны оба мыска у выхода из залива, под прикрытием которых собрались толпы островитян. С обоих бортов «Кроткого» по ним дали залп, и туземцы в панике разбежались. Громовое «ура!» огласило палубу корабля.

Тем временем подул легкий попутный ветерок.

– Нельзя терять дорогого времени! – возбужденно проговорил капитан, обрадованный неожиданной удачей. – Черт с ним, с этим верпом. Пусть останется на память гнусным туземцам, – и приказал боцману рубить канат.

Молодцы из боцманской команды положили трос верпа на колоду, постоянно находящуюся для этих целей на баке³¹, и несколькими ударами топора перерубили его. Корабль, став под паруса, стал удаляться в море.

* * *

Смеркалось. Вдоль берега острова зажглись костры, слышались крики туземцев.

³⁰ Шпиль – блок на судне, при помощи которого поднимают паруса, а также вертикальный ворот, служащий для подъема якорей и других тяжестей на корабле.

³¹ Бак – передняя часть верхней палубы на корабле, до фок-мачты.

– К чему бы такая иллюминация? – недоуменно спросил Врангель.

– Это, видимо, условный сигнал для жителей соседних бухт, уже, несомненно, предупрежденных о совместном нападении на русский корабль, – предположил Андрей Петрович.

– Поздно спохватились, черти заморские! – рассмеялся довольный капитан. – У меня нет ни малейшего желания заходить ни в соседние, ни в какие-либо другие бухты этого острова. – Слава богу, мы хоть успели запастись свежей водой и дровами...

– Теперь ваше имя, Фердинанд Петрович, безусловно, войдет в историю русского флота.

– Это за какие же такие заслуги, извольте спросить? – искренне удивился Врангель.

– Ведь вы же первый капитан русского корабля, открывшего артиллерийский огонь по туземцам!

Лицо барона помрачнело.

– Не переживайте так, Фердинанд Петрович! – убежденно продолжил ученый. – Вы действовали в соответствии со сложившимися обстоятельствами и к тому же совершенно правильно. Лично я преклоняюсь перед вашим мужеством и решительностью, с которой вы защищали от нападения корабль и его команду. Точно так же, уверяю вас, воспримут ваши действия и все офицеры русского флота.

– Вы так думаете, Андрей Петрович? – с надеждой спро-

сил тот.

– Безусловно, Фердинанд Петрович! Прав все-таки был лейтенант Торсон со шлюпа «Восток», когда предвидел такую возможность.

– Константин Петрович? – вмешался в разговор лейтенант Матюшкин, исполнявший обязанности вахтенного офицера.

– Совершенно верно, Федор Федорович. Вы, как я вижу, знакомы с ним?

Лицо лейтенанта расцвело в улыбке:

– А как же, Андрей Петрович, и очень даже близко. Только теперь он щеголяет в мундире капитан-лейтенанта.

– Естественно. Ведь после успешного окончания экспедиции Беллинсгаузена, открывшей Антарктиду, все офицеры, принимавшие участие в ней, высочайшим повелением были повышены в чине независимо от выслуги лет, – Шувалов ненадолго задумался. – У меня есть предложение, господа. Разрешите пригласить вас к себе в каюту на, так сказать, товарищеский ужин. Надо снять напряжение после трагических событий этого сумбурного дня. Да и нам, как оказалось, есть о чем поговорить.

– Мы с Федором Федоровичем с благодарностью примем ваше приглашение, уважаемый Андрей Петрович, – сразу за двоих ответил Врангель. – Но несколько попозже. Нужно вначале похоронить по морскому обычаю матроса, убитого туземцами на баркасе, да успеть смениться нашему лейтенанту с вахты, – улыбнулся барон.

– Благодарю вас, господа, за принятие моего предложения, – галантно произнес Андрей Петрович. – А посему поспешаю в каюту дать соответствующие указания вестовому, – он стал спускаться по трапу с мостика.

– Приспустить флаг! – раздалась команда за его спиной.

Андрей Петрович вздрогнул, уяснив ее трагический смысл – команда «Кроткого» прощалась со своими погибшими товарищами. «Служба есть служба, – горестно вздохнул он. – Такова уж капитанская доля – в дальнем плавании капитан не только царь и Бог для команды своего корабля, но и батюшка, провожающий подопечных в последний путь, – и он тут же усмехнулся: – Но попробуй предложить ему отказаться от этой участи!»

* * *

Тимофей расстарался. Андрей Петрович отдал должное его расторопности. Вместе с вестовым Врангеля, они принесли кресло из капитанской каюты и из каюты лейтенанта Матюшкина, «напрягли» коков на камбузе и вестовых кают-компаний. Так что стол был сервирован превосходно. Одним словом, по «большой программе».

Через некоторое время после того, как отгремели залпы прощального салюта, во время которых вестовые истово крестились, в каюту вошел Андрей Петрович в сопровождении Врангеля и лейтенанта Матюшкина. Их лица отражали пе-

чаль пережитого траурного ритуала. Они молча заняли свои места за столом, и вестовые поспешно удалились.

– На правах хозяина, господа, предлагаю предоставить первое слово Фердинанду Петровичу.

Тот, взяв бокал, наполненный мадерой, встал. Встали и остальные. Капитан обвел соратников долгим взглядом, собираясь с мыслями.

– Сегодня, господа, мы пережили трудный день. И спасением своим обязаны столько же счастью, сколько усердию, сметливости и неутомимой расторопности всех офицеров и матросов «Кроткого». – он проглотил комок, застрявший в горле. – Все мы ратные люди, давшие присягу защищать Отечество, а посему всегда должны быть готовы отдать свои жизни ради него. Это аксиома, господа. Так давайте помянем наших товарищей, погибших вдали от берегов Отечества!

И три офицера, стоя, не чокаясь, осушили бокалы.

– Я приказал всем матросам выдать по стакану грога³², – как-то отрешенно произнес Врангель, садясь в кресло. – Пусть и они помянут...

Первым нарушил молчание Матюшкин:

– Мичман Адольф Карлович Дейбнер был не только мужественным человеком, что и подтвердил матрос Лысухин, но и надежным товарищем, – вздохнул он.

– И отличным моряком, – добавил Врангель. – С его гибелью на «Кротком» остались только три вахтенных офицера,

³² Грог – горячий напиток из рома, чая и сахара.

и на них в связи с этим ляжет дополнительная нагрузка.

– Выбывшего из строя мичмана Дейбнера могу заметить я, – заметил Андрей Петрович.

Врангель и Матюшкин с недоумением посмотрели на него. Затем капитан, вспомнив, видимо, что-то, улыбнулся:

– Вы, Андрей Петрович, уже отстояли свои вахты еще два десятка лет тому назад, на мостике «Надежды», когда мы с Федором Федоровичем еще и не поступали ни в Морской корпус, ни в Царскосельский лицей. Поэтому не беспокойтесь – в случае необходимости вахтенного офицера подменит старший офицер. Ведь лейтенант Рикорд, как мне представляется, будет несколько моложе вас?

Все трое рассмеялись, снимая тем самым психологическую нагрузку, навалившуюся на них в этот трудный день. Все имеет свои пределы, а человеческая душа – тем более.

* * *

Мадера пришлось очень кстати и постепенно снимала напряжение.

– А как вы, Андрей Петрович, оцениваете слухи, о которых сообщил англичанин Ридон? – спросил капитан, поставив бокал на стол. – Я имею в виду то, что якобы русский двухдечный корабль ограбил туземцев, – пояснил он.

Шувалов задумался.

– По-моему, корни слухов следует искать в среде жрецов. Об этом я размышлял еще во время посещения Нукагивы «Надеждой», когда совершенно неожиданно возник бунт туземцев против русских, закончившийся, к счастью, без жертв. Дело в том, что Крузенштерн воспринимался туземцами как Бог, причем без всяких оговорок. Их вождь совершенно серьезно считал, что корабль «Надежда», выйдя из бухты Анны-Марии, распустит белые паруса и поднимется к облакам.

Слушатели при этих словах, весело переглянувшись, откровенно рассмеялись.

– Потому-то жрецы, имевшие большое влияние на вождя и его ближайшее окружение, при таких условиях оказывались на второстепенных ролях. Им было выгодно подорвать доверие туземцев к русским, а еще лучше, сравнить их с ними. Вождь жаловался Крузенштерну, что, несмотря на дружеские чувства к нему, он все же не может пойти против враждебных настроений своего племени. – Андрей Петрович сделал паузу, собираясь с мыслями. – Как мне кажется, то же самое произошло и с английским капитаном Куком, – Шувалов помолчал, переживая вместе с собеседниками страшную участь, постигшую великого мореплавателя. – Вероятно, с этим же мы столкнулись и в заливе Чичагова, – заключил наконец Андрей Петрович. – С поправкой, правда, на то, что за прошедшие годы туземцы Нукагивы успели обзавестись достаточно большим количеством ружей, выме-

нивая их на свиней у европейцев, посещавших остров. Ведь доподлинно известно, что король Таити, например, даже вообще запретил своим подданным употреблять свиное мясо в пищу в целях экономии его для торговли.

Врангель с Матюшкиным, усмехнувшись, многозначительно переглянулись:

– Большое спасибо вам, уважаемый Андрей Петрович, за столь убедительную версию. Мы с Федором Федоровичем целиком и полностью принимаем ее.

Лейтенант в подтверждение слов капитана кивнул головой, и оба они с благодарностью пожали руку ученому.

– А как вы намерены поступить с англичанином Ридоном, Фердинанд Петрович? – поинтересовался Андрей Петрович.

– Я уже беседовал с ним по этому поводу, – пояснил капитан. – Когда Ридон узнал дальнейший маршрут нашего плавания, который я не счел нужным скрывать от него, он поинтересовался, есть ли какие-нибудь суда в Русской Америке. Я ответил ему, что Российско-Американская компания – богатая компания, владеющая не менее чем двумя десятками судов. И он сразу же попросил высадить его в Новоархангельске, административном центре Русской Америки.

А пока я зачислил его в штат «Кроткого» волонтером, исполняющим обязанности матроса. Ведь надо же кем-то заменить погибших на Нукагиве. Да и ему не будет лишним вознаграждение за свой труд. Он-то, как вы понимаете, остался только с тем, что на нем оказалось надето.

– Одним словом, и волки сыты, и овцы целы, – рассмеялся Андрей Петрович, явно довольный решением капитана. Врангель, улыбаясь, только развел руками.

* * *

После очередного бокала барон как бы между прочим вспомнил о словах лейтенанта Торсона, упомянутых Андреем Петровичем после выхода «Кроткого» из залива Чичагова. Видимо, этот вопрос очень волновал его.

– Эти слова были сказаны Константином Петровичем после инцидента, произошедшего у тропического острова, открытого экспедицией Беллинсгаузена среди прочих, – пояснил Андрей Петрович. – Когда мы с Беллинсгаузеном подошли на ялике к берегу, то собравшиеся на нем туземцы не разрешали нам пристать к нему, угрожая копьями. Хотя с удовольствием подбিরали безделушки, брошенные нами на песок. Тогда мы дали залп из ружей поверх их голов. Туземцы присели и стали плескать на себя морскую воду. Видимо, боялись, что мы хотим обжечь их голые тела огнем, вырывавшимся вместе с дымом из стволов ружей.

Слушатели рассмеялись, а впечатлительный Матюшкин даже вытер носовым платком заслезившиеся от смеха глаза.

– Так повторялось несколько раз. Когда же подошедший «Мирный» сделал предупредительный выстрел из орудия, туземцы даже подожгли прибрежный лес, лишь бы не пу-

стить нас. Делать там оказалось больше нечего, и Фаддей Фаддеевич приказал возвращаться на шлюп.

Неожиданно на песчаную косу, мимо которой мы проходили, выбежали туземки. Они задрали набедренные повязки, повернулись к нам задом и стали вызывающе похлопывать себя руками по голым ягодицам. Вот, мол, вам, белые пришельцы! Ничего вы не смогли поделать с нашими бесстрашными воинами! – Андрей Петрович сделал глоток мадеры. – Тут уж не выдержал я, – продолжил он, – и вскинул ружье, чтобы всыпать порцию дроби в их мерзкие задницы. К сожалению, Беллинсгаузен резким окриком остановил меня, – Андрей Петрович тяжело вздохнул. – Он был моим ближайшим другом, и я бы мог, мягко говоря, наплевать на его запрет. Но он являлся начальником экспедиции, и я не имел права своим поступком подорвать его авторитет... На счастье, в это время между яликом и косой пролетала пара бакланов, вспугнутых, видимо, бушевавшим на берегу лесным пожаром, и я, не опуская ружья, выстрелил в них. Один из бакланов, опустил вниз перебитое крыло и, описав дугу, плюхнулся в воду.

Федор Федорович, остро переживая рассказ ученого, бурно захлопал в ладоши.

– Этим удачным выстрелом вы, Андрей Петрович, спасли честь россиян! – возбужденно воскликнул он.

Ученый сдержанно сделал полупоклон в его сторону.

– А то тоже мне, женщины с голыми задницами! – эмоци-

онально возмутился лейтенант. – Мерзость какая-то. Жаль, что вы не показали им, где раки зимуют!

– Вот как раз об этом и говорил лейтенант Торсон, – заметил Андрей Петрович. – Уже на шлюпе и, разумеется, тет-а-тет, я, особо не выбирая выражений, высказал Фаддею Фаддеевичу все, что думал о его поведении во время инцидента, – улыбнулся Андрей Петрович, и слушатели понимающе закивали головами. – Во-первых, он позволил туземцам считать, что белые люди, в том числе русские, трусливы и беспомощны. А во-вторых, не только я, но и офицеры шлюпа упрекали его в бездействии. Одним словом, он потерял моральный авторитет.

Фердинанд Петрович тяжело вздохнул. Уж кто-кто, а он-то прекрасно понимал, что такое моральный авторитет капитана. Конечно, команда будет и далее беспрекословно выполнять его приказы, но соответствующей отдачи капитан уже не получит. Он предположил:

– Как мне кажется, Фаддея Фаддеевича сдерживали от применения силы к аборигенам инструкции морского министра, а возможно, и самого государя.

– Он как раз и ссылаясь на них. Я же по занимаемой мною должности был в свое время ознакомлен с ними. Но что такое инструкция?! – повысил голос Андрей Петрович. – Это всего-навсего рекомендация, я бы даже сказал, пожелание общего плана. Но действовать-то капитану приходится в конкретно сложившейся обстановке! Вот вы, Фердинанд

Петрович, не оглядываясь на инструкции, приказали корабельной артиллерии незамедлительно открыть огонь по обнаглевшим туземцам. Ведь так?!

– Здесь, согласитесь, была несколько иная ситуация, Андрей Петрович, – пытался заступиться за Беллинсгаузена Врангель. – Ведь туземцы первыми напали на членов команды «Кроткого» и стали их убивать.

– А вы что, забыли про голые задницы туземкок?! Накась, мол, выкуси! – Андрей Петрович встал из кресла и заходил по каюте. Затем, несколько успокоившись, снова сел в него. – Моральные муки ничуть не слабее мук физических, – продолжил он. – Я не призываю к массовому убийству туземцев. Боже упаси! Но дать почувствовать им силу белого человека, было бы крайне необходимо.

– Я всецело поддерживаю Андрея Петровича, Фердинанд Петрович, – горячо вступился за ученого Матюшкин.

– А я что, Федор Федорович, разве против? – улыбнулся горячности лейтенанта Врангель. – Просто сейчас речь идет о необходимости поиска правильного решения. Только об этом.

– Фаддей Фаддеевич решительный и, я бы даже сказал, неустрашимый человек, – задумчиво произнес Андрей Петрович. – Ведь только представьте себе, как в длинном, с десятков миль, но узком, с небольшими изломами проходе между огромными ледяными полями он вел шлюп со скоростью во-

семь узлов!³³ С ума сойти можно! А он только уже после выхода на чистую воду на мое замечание, зачем, мол, так рисковать, с улыбкой ответил, что чем, мол, больше скорость, тем шлюп лучше слушается руля. Вот так вот, господа.

– Таковую скорость мог развивать и шлюп «Камчатка». А вот наш транспорт «Кроткий» по сравнению с ними – явный тихход, – с сожалением отметил Врангель. – Тем не менее Беллинсгаузен все-таки был прав, хотя, на мой взгляд, имело бы смысл сбавить в этих условиях пару узлов.

– Вот и я о том же, – благодарно глянул на него Андрей Петрович. – А вот во время инцидента у острова он выглядел, как парализованный этими самыми инструкциями. Просто удивительно!

Шувалов пополнил бокалы мадерой и предложил выпить за трудное капитанское бремя принятия решений. Фердинанд Петрович благодарно чокнулся с ним своим бокалом.

– И чем же все-таки закончилась эта эпопея, Андрей Петрович? – заинтересованно спросил Врангель.

– Фаддей Фаддеевич, надо отдать ему должное, все-таки признал свою ошибку. Но как ее исправить? Я объяснил ему, что, с моей точки зрения, единственным выходом было признать свою ошибку и перед офицерами шлюпа найти мужество сделать этот непростой шаг. Я-то знал, что силы духа ему не занимать, – заговорщицки улыбнулся Андрей Петро-

³³ Узел – морская мера скорости, равная числу морских миль (1852 м), пройденных в час.

вич. – Он сделал это перед ужином в кают-компании. И сразу же как будто рухнула стена отчуждения между ним и офицерами, они ответили ему своей преданностью.

Фердинанд Петрович даже смахнул носовым платком испарину, выступившую на лбу. Он, как никто другой, в полной мере оценил мужество капитана Беллинсгаузена.

– Вот тут-то от имени офицеров и выступил лейтенант Торсон. Он сказал, что сегодня они дали повод туземцам усомниться в их силе. Это еще, мол, полбеды. Но дикая выходка туземок показала, что островитяне откровенно презирают их, русских моряков, и открыто надсмехаются над ними, а в их лице и над всеми россиянами. Поэтому попытка Андрея Петровича поставить их на место была, по мнению всех офицеров, крайне необходимой.

– А ведь лейтенант Торсон, пожалуй, не менее мужественный человек, чем и сам капитан Беллинсгаузен, – с удовлетворением отметил Врангель.

– Полностью согласен с вами, Фердинанд Петрович. А далее он выступил уже от себя. Сказал, что в среде русских флотских офицеров после выхода России в мировой океан прочно укоренилось мнение, что англичане якобы жестоко обращаются с аборигенами открытых ими земель. Однако после случившегося он готов пересмотреть свое отношение к этому мнению. На самом деле, местные жители, уже знакомые с огнестрельным оружием европейцев, знали, что хамить морякам смертельно опасно, успев познать на своей

шкуре силу мести белых людей за оскорбленных и убитых ими товарищей. И Торсон сделал вывод, что именно поэтому все они на «Мирном» – он так и подчеркнул, что не только один капитан, – оказались морально не готовы к должному пресечению попыток туземцев навязать им свою волю путем оскорбительных действий, да еще в самой непристойной и отвратительной форме.

Наступила тишина. Все были под впечатлением услышанного.

– Умница! – нарушил тишину Фердинанд Петрович. – Я бы с большим удовольствием желал видеть Торсона среди своих офицеров.

– Константин Петрович отличается передовыми и далеко неординарными взглядами и по другим вопросам. Он очень интересный собеседник, – с гордостью за товарища пояснил Федор Федорович.

– Главное в том, что Торсон заострил внимание на не таком уж и простом на первый взгляд вопросе, – убежденно сказал Врангель. – Конечно, и среди русских капитанов могли бы найтись такие, которые, будучи не ограничены подобными инструкциями, палили бы по туземцам налево и направо по любому поводу. Этого, наверное, и опасается наш государь. Но я тем не менее настаиваю на том, чтобы капитанам давалась большая свобода выбора решений в той или иной возникшей ситуации. – и Врангель расслабленно откинулся на спинку кресла, мысленно благодаря Торсона

за моральную поддержку, в которой так нуждался.

* * *

Когда из океана стал вырастать белоснежный конус Корякского вулкана, всё увеличиваясь в размерах, а затем показался и остроконечный пик Авачинской сопки, Андрей Петрович уже не мог оторвать от них своего замороженного взгляда. Ведь именно отсюда, с этой удивительной камчатской земли, и начался его поход на восток, в Русскую Америку, продлившийся целых шестнадцать долгих лет. Самых значительных лет его жизни.

Врангель, повернувшись к нему, неожиданно для себя увидел слезы на глазах этого мужественного человека. А потому не отважился нарушить ход его мыслей, устремленных в прошлое, вызвавшее столь сильные эмоции.

* * *

После встречи с губернатором Камчатки барон вернулся на судно крайне возбужденным и в то же время подавленным. Он позвал Андрея Петровича с Матюшкиным и молча направился в каюту ученого, которая уже стала традиционным местом их встреч.

Закрыв за собой дверь, Врангель сразу же повернулся

к своим спутникам и глухо произнес:

– В Петербурге произошло восстание гвардейских полков столичного гарнизона.

Его слова произвели эффект взорвавшегося фугаса. Шувалов, словно на чужих, негнущихся ногах, подошел к столу и буквально плюхнулся в кресло, пытаясь осознать произошедшее.

– Расскажите поподробнее, Фердинанд Петрович, о том, что вам сообщил губернатор, – попросил Андрей Петрович, наконец-то обретя дар речи.

Врангель вздохнул:

– Накануне, буквально перед нашим приходом в Петропавловск, из Охотска прибыл курьер от иркутского генерал-губернатора Восточной Сибири. Он-то и сообщил об этой сногсшибательной, извините за выражение, новости, – барон встал и заходил по каюте. Затем снова сел в кресло. – А в ноябре в Таганроге неожиданно скончался император Александр Первый.

– Час от часу не легче! – воскликнул Матюшкин, стукнув кулаком по колену. – Как будто Россия только и ждала, когда же наш «Кроткий» покинет Кронштадт!

– Успокойтесь, Федор Федорович. Не слишком ли вы придаете такое большое значение для судеб России нашим скромным персонам? Давайте побережем эмоции.

– Извините, Фердинанд Петрович. Уж очень, согласитесь, неординарные события произошли во время нашего отсут-

ствия в Отечестве.

Врангель кивком головы подтвердил его слова.

– У умершего бездетного императора, – продолжил он, – естественно, не осталось наследника. Право престолонаследия должно было перейти к его следующему брату великому князю Константину Павловичу. Но тот женат на простой дворянке без, так сказать, династических корней, и потому его наследники не могли бы претендовать на престол. Поэтому Константин Павлович отказался от коронации, подтвердив это письменным отречением от права на престол в пользу своего младшего брата великого князя Николая Павловича.

Однако Николай в отличие от Константина крайне непопулярен не только в среде столичных офицеров, но и высших чиновников. Поэтому члены тайного «Северного общества» решили воспользоваться сложившейся ситуацией и в день, назначенный для принятия присяги, вывести гвардейские полки на Сенатскую площадь, чтобы помешать войскам и Сенату принести присягу. Заговорщики хотели тем самым воспрепятствовать вступлению Николая Павловича на престол. Однако тому стало известно об этом, и церемония присяги состоялась ранее назначенного часа.

А к одиннадцати часам утра четырнадцатого декабря на Сенатской площади были построены гвардейские Московский и Гренадерский полки и гвардейский Морской экипаж.

– Так это же произошло как раз в тот день, когда мы на «Кротком» покидали Рио-де-Жанейро! – воскликнул Матюшкин.

– Совершенно верно, Федор Федорович, – подтвердил Врангель и продолжил: – Генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф Милорадович, появившись верхом перед заговорщиками и солдатами, построившимися в каре, пытался уговорить их покинуть площадь, но был смертельно ранен. После этого восставшие дважды отбивали атаки конногвардейцев, однако войска, уже присягнувшие новому императору, окружили их и сделали предупредительный залп из орудий холостыми зарядами. Тот не дал должного эффекта, зато последующие залпы картечью на поражение рассеяли ряды заговорщиков. Восстание было подавлено.

Началось следствие по делу декабристов. Так стали называть руководителей восстания – по названию месяца, в котором оно состоялось, – барон тяжело вздохнул. – А ведь среди них могли бы быть и мы с вами, Федор Федорович.

– Не знаю, как вы, Фердинанд Петрович, а я был бы среди них обязательно, – заметил Матюшкин, почти с вызовом глянув на капитана. – Рядом со своими единомышленниками, – уточнил он.

– Выходит, Господь уберег вас, господа, от участи быть подследственными, – заключил Андрей Петрович.

– Кто его знает, Андрей Петрович, как сложится наша судьба в дальнейшем? Ведь следствие, как мне представля-

ется, продлится довольно долго, – честно возразил Матюшкин.

В каюте повисла напряженная тишина.

* * *

Вестовые быстро, тревожно поглядывая на своих господ, накрыли стол, принеся с камбуза их обеды и не забыв поставить дополнительные бутылки с мадерой.

Отобедав, Андрей Петрович промокнул губы белоснежной салфеткой.

– Меня во всей этой истории волнует еще один вопрос...

– Какой, Андрей Петрович? – сразу же насторожился капитан.

– Не окажется ли под следствием Александр Сергеевич Пушкин? – пояснил он, и Врангель с Матюшкиным с пониманием переглянулись. – Я хорошо помню, как во время стоянки экспедиции Беллинсгаузена в Порт-Джеконе³⁴, лейтенант Торсон получил вместе с почтой только что изданную его поэму «Руслан и Людмила». Так вот офицеры обоих шлюпов зачитали ее, чуть ли не до дыр.

– Трудно сказать, Андрей Петрович, – вздохнул лейтенант. – Во всяком случае, как мне известно, Саша... – он

³⁴ Порт-Джексон – трехрукавный залив на юго-восточном побережье Австралии, включающий Сиднейскую бухту и залив Мидл-Харбор и бухту Норт-Харбор.

запнулся. – Извините, господа, но в лицее мы все называли друг друга по именам.

– Не смущайтесь, Федор Федорович. В Морском корпусе было точно так же, – заметил Врангель.

Матюшкин сделал короткий полупоклон в его сторону.

– Правда, в лицее меня чаще называли «Федернелька», переиначивая на немецкий лад русское «Феденька, Федорушка», – улыбнулся он и продолжил: – Александр Сергеевич в это время находился в очередной ссылке в своем родовом имении Михайловское, что в Псковской губернии. Таким образом, на Сенатской площади он, как и мы с вами, Фердинанд Петрович, быть не мог. Однако его нецензурные политические стихи имели большое хождение в гвардейских полках. Так что ничего определенного сказать не могу.

Выходит, что вы, Федор Федорович, не только учились вместе с Пушкиным в лицее, но, как мне показалось, и дружили с ним? – заинтересованно спросил Андрей Петрович.

– Совершенно верно, – несколько смутился лейтенант, – мы были довольно близки. Но после окончания лицея я уже в течение многих лет почти непрерывно нахожусь в экспедициях.

– Федор Федорович скромничает, – улыбаясь, заметил капитан. – Когда он на «Кротком» отправлялся в свое второе кругосветное плавание, Пушкин посвятил ему в стихотворении «Девятнадцатое октября» замечательные строки.

– «Девятнадцатое октября»? – не понял Андрей Петро-

вич.

– Это день открытия Царскосельского лицея в тысяча восемьсот одиннадцатом году, – пояснил Матюшкин.

– А вы бы не смогли прочитать их для меня?

– Отчего же, Андрей Петрович? Только я прочитаю их так, как учили нас в лицее.

Он вышел на середину каюты и, вздернув вверх правую руку, с подъемом продекламировал:

– Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Андрей Петрович вскочил из кресла и бурно зааплодировал.

– Бесценные строки великого поэта! – воскликнул он. – Вы можете гордиться, Федор Федорович! Далеко не каждому дано услышать подобное о себе из-под пера самого Александра Сергеевича! – ученый быстро подошел и обнял смущенного Матюшкина. – Есть тост, господа! – никак не мог успокоиться он, находясь под впечатлением. – Поднимем бокалы за бесценный талант Александра Сергеевича Пушкина,

посвятившего сии изумительные строки мореплавателю Федору Федоровичу Матюшкину, без всяких сомнений, будущему адмиралу флота российского!

У лейтенанта на глазах выступили слезы.

Когда осушили бокалы до дна и закусили мадеру шоколадом, Врангель, вдохновленный тостом, не менее эмоционально произнес:

– Сразу виден не только офицер гвардии, не только известный ученый, не только кавалер трех высших орденов Российской империи, но и признанный литератор. Правильно говорят, что если человек талантлив, то он талантлив во всем. А посему предлагаю наполнить бокалы за здоровье уважаемого Андрея Петровича!

После второго тоста закусывали уже основательно. Неприятный осадок, оставшийся после сообщения капитана о восстании в Петербурге, незаметно рассосался, и настроение офицеров заметно улучшилось.

Андрей Петрович обвел взглядом уже несколько успокоившихся собеседников. Затем взял в руку бокал и поднялся из кресла.

– «Алаверды!», как говорят на Кавказе. Что в переводе означает ответный тост.

– Вы что, Андрей Петрович, и там успели побывать?! – произвольно перебил его искренне удивленный Врангель.

– Я некоторое время провел в Пятигорске, – не стал раскрывать тот причины посещения курорта и продолжил: –

Я благодарен Фердинанду Петровичу за пожелание мне здоровья. Это очень хорошее пожелание. Я же, в свою очередь, хотел бы увидеть его с тяжелыми, шитыми золотом эполетами с черными орлами на плечах. Быть вам, Фердинанд Петрович, полным адмиралом! Только все-таки хотелось бы успеть увидеть эти эполеты своими собственными глазами. Так что поспешайте, господин капитан-лейтенант, прошу вас!

И все трое, рассмеявшись, осушили бокалы.

– Как бы то ни было, господа офицеры, а жизнь, несмотря ни на что, все-таки продолжается! – подвел итог Андрей Петрович.

Глава четвертая

В отчем доме

14 сентября 1827 года под гром орудий бастионов и приветственные возгласы почти всего населения города, собравшегося на пристани, военный транспорт «Кроткий», завершив кругосветное плавание за 2 года и 21 день, отдал якорь на Кронштадтском рейде.

Радость возвращения оказалась омрачена печальной вестью – незадолго перед этим скончалась матушка Андрея Петровича. Ксения рассказала, что в последние свои дни матушка все время плакала, сокрушаясь, что не успеет проститься с ненаглядным Андрюшенькой. Ее дочери, как могли, утешали матушку. Но разве можно утешить материнское сердце... И уже в самый последний момент она прошептала, что слава богу Андрюшенька успел проститься хоть со своим батюшкой перед его кончиной.

Андрей Петрович с тяжелым сердцем посетил семейный склеп. Он присел на лавочку, с тоской глядя на гробницы родителей, между которыми на столбике из черного лабрадора³⁵ стоял белоснежный мраморный попугай, его тезка, в натуральную величину.

³⁵ Лабрадор – здесь: разновидность полевого шпата, употребляемая на поделки и украшения частей зданий.

Он заказал ее сразу же после кончины батюшки, перед отплытием в Антарктическую экспедицию. Увидев же застывшего в камне попугая с распушенным хвостом и хохлом на повернутой набок голове, даже приплатил скульптору сверх договора за столь удачную работу. Как радовалась матушка, что, мол, между ней и батюшкой теперь всегда будет стоять их любимец, который в течение долгих пятнадцати лет был как бы мостиком между ними и дорогим Андрюшенькой, находившимся в ту пору в далекой Русской Америке! Он вздохнул. Потеряв свою хозяйку, с кем подолгу «разговаривал» каждый день, попугай Андрюша тоже издох, видимо, с тоски, не выдержав разлуки с ней. «Надо же? – задумчиво подумал Шувалов. – Ведь и не человек, с его легко ранимой душой, а тоже, оказывается, не может жить без общения и ласки».

Но, пожалуй, больше всего Андрея Петровича поразило то, что он не испытал того же потрясения, в которое его повергла кончина батюшки. И попытался разобраться в своих чувствах.

Матушка беззаветно любила его от рождения. И не столько потому, что он был ее первенцем и наследником всего состояния, нажитого предками. Несколько обделенная ласками своего сдержанного супруга, она интуитивно чувствовала более мягкий характер своего ненаглядного Андрюшеньки и безоглядно отдавала ему всю свою невысказанную женскую любовь. С ее кончиной он лишился материнской ласки

и повседневной бескорыстной заботы о себе.

Отец был сдержан в проявлении чувств к сыну. Юный Андрияша хорошо помнил, как отец приписал его к лейб-гвардии Преображенскому полку и как перед ним, премьер-майором³⁶, трепетали не только солдаты, которые, кстати, были, как и он, из дворян, но и офицеры полка. Зато в семье Андрей всегда чувствовал присутствие рядом сильного духом и справедливого мужчины, которому он всецело доверял и который был для него надежной опорой. Сын всегда был благодарен отцу за советы и безоговорочно ими руководствовался.

Смерть отца потрясла его, хотя и не была неожиданной. Он понял, что навсегда лишился единомышленника и друга, готового в трудную минуту прийти на помощь безо всяких условий и оговорок.

Ксения рассказала ему, что все хлопоты, связанные с похоронами матушки, взял на себя Матвей. Теперь она одна управляла большим хозяйством. И Андрей Петрович отдал ей должное – все порядки в доме остались такими же, какими были и при его матушке.

³⁶ Премьер-майор – штаб-офицерский чин в русской императорской армии XVIII века. Относился к VIII классу «Табели о рангах». Отменен в 1797 году и переведен в соответствие чину майора. В 1827 году получил на эполеты две звездочки в качестве знаков различия.

Сразу же после посещения Александром I шлюпа «Восток», вернувшегося из Антарктической экспедиции, и осмотра им экспозиций, Андрей Петрович подал прошение на его имя, где обосновывал необходимость организации мастерской по изготовлению чучел животных под эгидой Петербургской академии наук. И как раз к окончанию работ по созданию экспозиций в музее Адмиралтейского департамента было оглашено высочайшее повеление об организации этой мастерской.

Матвей как общепризнанный таксидермист – мастер по изготовлению чучел животных – уже в чине коллежского регистратора был по рекомендации Андрея Петровича зачислен в ее штат на должность консультанта. И сразу же с присущей ему энергией приступил к обучению мастеровых этому непростому делу. Вначале он, правда, испытывал некоторое неудобство, когда все – не только мастеровые, но и руководство – обращались к нему исключительно по имени-отчеству, но затем привык и даже вместе с начальником мастерской съездил в Лондон, где в мастерской Британского зоологического музея приобрел необходимые приспособления и материалы. В общем, Матвей оказался на своем месте.

После проводов Андрея Петровича в очередное круго-

светное плавание на «Кротком» он сразу же объявил Ксении о своем переезде из их дома на квартиру, которую уже успел присмотреть.

– К чему ты затеял это, Матвей? – с долей обиды спросила та, удивленная его решением. – Тебе что, плохо живется в нашем доме?

– А дело в том, Ксения Александровна, что теперь я остался один мужчина в этом доме, не считая, конечно, прислуги. И с моим переездом будет спокойнее и мне, и, тем более, Андрею Петровичу. Ведь плавание продлится не менее двух лет.

– Ты на что же это намекаешь?! – гневно воскликнула Ксения.

– Успокойтесь, Ксения Александровна, прошу вас! – Матвей умоляюще посмотрел на нее. – Просто этим я хотел сказать, что... женюсь только тогда, когда встречу такую же женщину, как вы.

Ксения в растерянности смотрела на него.

– Тем не менее, Ксения Александровна, вы можете располагать мной в любое время, когда в этом возникнет необходимость...

* * *

Матвей с сияющими глазами устремился к Андрею Петровичу, протянув обе руки для пожатия, но тот порывисто

обнял своего молодого товарища. У Матвея из глаз брызнули слезы радости и благодарности. Да и Ксения не смогла сдержаться при виде их бурной встречи, смахнув носовым платком набежавшую слезу. Ведь она хорошо знала сдержанность супруга в проявлении своих чувств и только сейчас поняла всю глубину привязанности Матвея к нему и оценила решительность, с которой тот решил переехать из их дома.

Андрей Петрович тем временем увлек Матвея в кабинет.

– Как вижу, ты зря времени не терял? – удовлетворенно отметил он, обратив внимание на мундир Матвея, соответствовавший уже чину кабинетного регистратора. – От всей души поздравляю тебя! Ведь он как-никак соответствует уже чину армейского подпоручика.

– Так ведь это же не моя заслуга, Андрей Петрович, а целиком и полностью ваша! Это же вы приучили меня к изготовлению чучел, это же вы добились создания мастерской и рекомендовали меня на должность консультанта. Поэтому когда меня неожиданно повысили в чине, я тут же купил букет роз и преподнес его Ксении Александровне, но, честно говоря, не столько для нее, сколько для вас, ибо лично этого сделать никак не мог.

«Так вот, оказывается, откуда в спальне до сих пор стоит в вазе букет засохших роз!» – усмехнулся Андрей Петрович, посчитавший неудобным спрашивать Ксению о его происхождении, глядя на смущенного Матвея.

А тот уже подробно рассказывал о своей любимой работе:

– Я же бывал уже в мастерской по изготовлению чучел животных при Британском зоологическом музее. Вместе с вами, когда вы закупали там проволочные каркасы и приспособления для изготовления чучел. Помните? Но одно дело просто помогать вам, а совсем другое, выступать теперь в роли заказчика, – он тревожно посмотрел на Андрея Петровича.

«Не слишком ли я хвастаюсь? – с испугом вдруг подумал Матвей. – И перед кем?!» Однако тот внимательно слушал его без какой-либо усмешки на лице. Это приободрило, и он продолжил:

– Англичан, как я понял, очень заинтересовал наш визит к ним. Одно только смущало меня – незнание мной английского языка, – с досадой признался Матвей. – Поэтому в роли переводчика пришлось выступить моему начальнику, очень образованному человеку, – и он вздохнул, остро переживая недостаток знаний. – Как оказалось, англичане знали из донесения губернатора Новой Голландии³⁷ их королю о том, что на шлюпе «Восток» экспедиции Беллинсгаузена русские организовали экспозицию из чучел антарктических животных. Та якобы свидетельствовала о нашем приоритете в открытии Южного материка. Ведь его так и не смог обнаружить их знаменитый мореплаватель Джеймс Кук! – Матвей с такой гордостью глянул на Андрея Петровича, что тот непроизвольно улыбнулся. – И, как я понял, –

³⁷ Новая Голландия – историческое название Австралии.

продолжил он, – они решили «поймать» меня – молодого и, по их мнению, не очень опытного, к тому же не знающего их языка – на каких-нибудь противоречиях, – его глаза озорно блеснули. – И началось... «А откуда у вас взялись чучела морских слонов?» – спрашивают. «С острова Южная Георгия», – отвечаю. – «А почему же тогда у вас нет чучел морских котиков?» – «Да самих котиков там уже нет. Их перебили ваши промышленники». Англичане многозначительно переглядываются, а я и говорю: «Как, кстати, и на острове Маквария в Тихом океане, самом южном острове от Новой Зеландии. Этот остров находится в тех же широтах, что и остров Южная Георгия, который мы посетили год назад, однако в отличие от него не покрыт вечным льдом и снегом, а радуется прекрасной зеленью». – «Может быть, это следствие вулканической деятельности?» – предположил один из них. «По мнению заместителя начальника экспедиции по ученой части господина Шувалова, – англичане при этом быстро переглянулись, – только предстоит разгадать эту загадку», – Матвей с тревогой посмотрел на своего покровителя. – Мне показалось, Андрей Петрович, что англичане относятся к вам несколько настороженно.

– Поверь мне, Матвей, что на это у них есть достаточные основания. Как по секрету сказал мне один из знакомых сотрудников нашего Министерства иностранных дел, у британской разведки заведено на меня довольно пухлое досье.

– Это, конечно, после вашей экспедиции в Новую Зелан-

дию по обследованию Кентерберийской долины на ее Южном острове?

– В том числе. Ведь не зря же покойный государь называл меня «истинным разведчиком».

Матвей с благоговением посмотрел на своего бывшего хозяина и продолжил:

– Речь с англичанами шла и о пингуинах. – продолжил он. – «Ведь пингуины, представленные в вашей экспозиции, – спрашивают англичане, – водятся и у мыса Доброй Надежды, у южной оконечности Африки, и на Тихоокеанском побережье Южной Америки?» Я, Андрей Петрович, честно говоря, чуть не рассмеялся от такой наивности, но все-таки с достоинством ответил: «В местах, указанных вами, господа, водятся лишь мелкие пингуины Адели. Королевских пингуинов, пингуинов средних размеров, мы обнаружили на одном из открытых экспедицией островов архипелага Траверсе³⁸, уже в высоких южных широтах. А вот императорских пингуинов, самых крупных, мы увидели только на льдинах у самого припая³⁹ вдоль побережья Южного материка. Высота ледяного барьера по побережью материка достигает тысячи футов⁴⁰, а то и более. А пингуины, как извест-

³⁸ Архипелаг Траверсе – три небольших необитаемых острова в составе архипелага Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова, расположенного на юге Атлантического океана к северо-востоку от Антарктиды.

³⁹ Припай – примерзший к берегу неподвижный лед, распространяющийся в море на значительные расстояния до нескольких десятков миль.

⁴⁰ Фут – мера длины, равная 31 см.

но, – не летающие птицы. Поэтому, по мнению господина Шувалова, они выводят свое потомство на шельфовых ледниках⁴¹». – «Хорошо. А о чем тогда говорят полярные крачки, представленные в вашей экспозиции? Ведь эти птицы водятся и в Арктике?» – задирают англичане. «Только о том, что полярные крачки, они же морские ласточки, совершают перелеты из Арктики в Антарктику и обратно. И это самые длинные перелеты среди птиц земного шара. Обо всем этом вы, господа, можете прочитать в научной статье господина Шувалова “Признаки” земли значительных размеров в высоких южных широтах». И получить интересующую вас информацию из первых рук».

– Спасибо тебе, Матвей, за популяризацию моего научного труда за границей. Вижу, что ты не зря переписывал и мою статью, и роман тоже.

Тот порозовел от похвалы своего учителя:

– А как же, Андрей Петрович! Я ведь не только изучал при этом ваши труды, но и учился вашему языку, вашей форме изложения.

– Ну что же. Ты с честью выдержал экзамен перед английскими коллегами.

– Примерно то же самое сказал мне и начальник нашей мастерской, – признался Матвей. А затем посетовал: –

⁴¹ Шельфовый ледник – плавучие или частично опирающиеся на дно ледники, текущие от берега в море, в виде утончающейся к краю плиты, заканчивающейся обрывом; представляют собой продолжение наземных ледниковых покровов.

Я по вашему указанию, Андрей Петрович, самым тщательным образом изучил «Табель о рангах» со всеми приложениями к ней и понял, что для того, чтобы преуспеть на том пути, который вы уготовили для меня, мне необходимо получить соответствующее образование. На одних способностях далеко не уедешь, а самообразованием все пробелы в знаниях не устранишь. Но я не представляю, каким образом это можно сделать? – он с надеждой посмотрел на своего покровителя.

«Как же все-таки вырос Матвей за последние несколько лет!» – с удовлетворением отметил Андрей Петрович.

– Ты совершенно прав, Матвей. Без высшего образования далеко по служебной лестнице не продвинешься, – он задумался. – Поступить в университет? Но тебе для этого уже, скажем прямо, многовато лет, да и навряд ли тебя вообще примут в студенты с чином кабинетного регистратора. Кроме того, если вдруг это и случится, с моей, конечно, помощью, то ты лишишься средств к существованию, так как должность в мастерской, естественно, придется оставить. Хотя я бы, конечно, смог поддержать тебя материально на время обучения.

– Вы о чем говорите, Андрей Петрович?! – вспыхнул Матвей. – Я, здоровый мужчина, должен сесть на шею человеку, который и так перевернул всю мою жизнь! А как же честь дворянина, которой вы же учили меня! Вы должны понимать, Андрей Петрович, что я ни при каких условиях не смо-

гу принять ваше чистосердечное предложение, – на его глазах навернулись слезы.

– Успокойся, Матвей. Ты, безусловно, прав. Но есть, как мне кажется, и другой выход...

– Какой же, Андрей Петрович?!

– Трудный, но вполне возможный.

– Меня не страшат никакие трудности. Вы же знаете об этом, Андрей Петрович!

– Потому и предлагаю его, – он помедлил, видя напряженное ожидание на лице молодого человека. – Можно подготовиться и сдать экзамен экстерном.

– За весь университетский курс?! – ахнул Матвей.

– За весь. По-моему, кто-то только что распинался о том, что якобы не боится трудностей, – улыбнулся Андрей Петрович.

– И это на самом деле возможно?! – боялся поверить Матвей нежданно улыбнувшемуся счастью.

– Вполне. Но для этого придется пахать и пахать! По специально разработанной мной программе. И сдавать мне же промежуточные экзамены. А чтобы это осуществить, тебе придется вернуться в наш дом.

– Да я хоть сейчас, Андрей Петрович! – с готовностью воскликнул Матвей.

Тот снисходительно улыбнулся:

– В этом случае у тебя могут возникнуть определенные трудности. Ведь ты же только что убеждал меня, что явля-

ешься вполне здоровым мужчиной.

Матвей непонимающе посмотрел на него и вдруг задорно рассмеялся, уловив смысл слов своего покровителя.

– Женский вопрос я решу, Андрей Петрович, можете не сомневаться, – он озорно блеснул глазами.

– А я ничуть и не сомневаюсь, – в тон ему ответил тот. – Уж если ты умудрялся решать его в театре графа Шереметева, то теперь тебе, дворянину, и карты в руки.

Лицо Матвея слегка порозовело:

– Если бы граф не отдал меня за шалости с актрисами в рекруты, то я бы никогда не встретился с вами. Моя жизнь пошла бы совсем другим путем, – он задумался. – Но вы не совсем правы, Андрей Петрович. Сейчас мне решать этот вопрос, как ни странно, гораздо труднее, чем раньше. Я ведь не потомственный дворянин, а посему еще недостаточно хорошо ориентируюсь в сословных предрассудках, – Матвей упрямо тряхнул головой. – Но если уж замахнулся на сдачу экстерном университетского курса, то эту науку уж как-нибудь осилю.

– Вот это слова, достойные не юноши, а мужа, – подвел Андрей Петрович итог разговору. – Тебе, однако, надо иметь в виду, что я приступаю к завершению подготовки докторской диссертации, которую практически написал во время плавания на «Кротком». И после ее защиты думаю преподавать в Петербургском университете по кафедре естественной истории. Так что поддержка профессора тебе очень да-

же пригодится.

– Вот это здорово, Андрей Петрович! – вскочил со своего места Матвей. – Ведь теперь, с возвращением в ваш дом, я смогу помогать вам в этом и заодно учиться уму-разуму!

– И грызть гранит науки, – добавил Андрей Петрович.

Через несколько дней Матвей вновь переехал в дом Шуваловых.

* * *

Андрей Петрович возвратился из поездки по имениям довольным. Урок расправы с жаждущими наживы управляющими не прошел даром. Порядок в имениях был восстановлен. Так почему же он сразу пригласил жену в кабинет, где принимались самые важные решения?

Ксения присела напротив мужа, стараясь понять, что же все-таки так взволновало его.

– Когда император Александр Первый, царство ему небесное, – начал он, – осматривал экспозицию «Антарктическая фауна», я признался ему, что после возвращения из Русской Америки хотел уйти в отставку с воинской службы, но не успел сделать этого по причине кончины батюшки и срочного убытия в Антарктическую экспедицию. Государь оценивающе посмотрел на меня и как отрезал: «Продолжайте служить так же, как и служили. Никаких отставок!», – он вздохнул, вспомнив об осмотре экспозиции государем

как о лучшем дне в его жизни, – Теперь же у нас новый император, и мои былые обязательства утратили свою силу. А присягать Николаю Первому после декабрьских событий позапрошлого года на Сенатской площади и, тем более, казни через повешение пятерых декабристов, у меня нет ни малейшего желания.

Ксения смотрела на него широко открытыми глазами.

– Я воспринимаю эту казнь как личную месть Николая Павловича, – пояснил Андрей Петрович.

– Андрюша?! – почти прошептала Ксения в ужасе.

– Да-да! – твердо ответил тот. – А посему решил подать прошение об отставке с воинской службы.

В кабинете воцарилась напряженная тишина.

– Чем же ты теперь будешь заниматься? – подавленно спросила Ксения.

– Тем же, чем занимался и до сих пор, – рассмеялся Андрей Петрович, глядя на расстроенную супругу. – Я имею статский чин надворного советника, равный чину капитана гвардии или армейского подполковника, кроме того, я почетный член Петербургской академии наук и сейчас заканчиваю оформление диссертации на соискание ученой степени доктора естественной истории.

– Как это «заканчиваю оформление»? – удивилась Ксения с загоревшимися глазами. – Ты что же, Андрюша, уже написал ее?

– Разумеется.

– Но когда?!

– Во время плавания на «Кротком», – недоуменно пожал плечами Андрей Петрович. – Это как-никак целых два года практически свободного времени.

– Ты говоришь так, как будто у тебя там не было никаких служебных обязанностей.

– Ты, Ксюша, сама того не подозревая, зришь в корень!

Теперь уже та смотрела на него в недоумении.

– Дело в том, что когда Фердинанд Петрович Врангель «сватал» меня в свою экспедицию в этом самом кабинете, мы договорились, что я дам согласие на участие в ней при условии полной свободы в выборе своей научной деятельности, – пояснил Андрей Петрович. – Вот я и занимался диссертацией.

– Так зачем же ты тогда ему понадобился на «Кротком»? – развела руками Ксения.

– Просто барон оказался дальновидней тебя, – рассмеялся Андрей Петрович. – Во время плавания он мечтал открыть неизвестные еще острова или в крайнем случае хотя бы один какой-нибудь из них. И я нужен был ему для их описания.

Ксения задумалась.

– Выходит, ты за время плавания так ничего и не сделал?

– Почему же? Я организовал систематические, четыре раза в сутки, атмосферные и гидрологические наблюдения. И это, надо отметить, было осуществлено впервые в истории Русского военно-морского флота. И, заметь, во время всего

кругосветного плавания в Мировом океане.

Ксения с благоговением посмотрела на него.

– Ну, хорошо, – продолжала допытываться она. – Я не сомневаюсь, что ты успешно защитишь диссертацию. А дальше что?

– Буду преподавать в Петербургском университете. А у профессора университета по штату уже чин коллежского советника. Если же дела пойдут хорошо, то со временем можно будет получить и кафедру, а это уже будет пахнуть «Его превосходительством».

– И я стану генеральшей! – в тон ему поддакнула Ксения.

– Только-то и всего? Да нашего состояния и так хватит и детям, и внукам.

Ксения благодарно посмотрела на него.

* * *

Андрей Петрович в сопровождении Матвея выбежал на крыльцо, к которому уверенно приближался флотский офицер с эполетами контр-адмирала на плечах.

– Фаддей, дружище! Рад тебя видеть! – воскликнул он, сбегая с крыльца.

– Соответственно, Андрюша!

Они обнялись.

– Еще раз поздравляю тебя с «доктором естественной истории» и «профессором Петербургского университета»!

– Спасибо, Фаддей! А тебя с орлами на эполетах, ваше превосходительство!

– Не ерничай, Андрюша! Никто не тянул тебя свернуть с воинской дороги на ученую. Хотя, честно говоря, втайне я завидую тебе. Как-никак ты все-таки относительно свободный человек, в то время как я повязан службой по рукам и ногам, – он притворно вздохнул.

– Ах, ты, мой несчастный служака! Я сейчас прямо-таки расплачусь от жалости к твоей незавидной доле.

И они, радуясь общению друг с другом, направились к крыльцу.

– Ба, да это никак Матвей своей собственной персоной?! – удивленно воскликнул Фаддей Фаддеевич, увидев того в мундире чиновника.

– Так точно, ваше превосходительство!

– Запомните, господин губернский секретарь, – привычным тоном капитана корабля напомнил Беллинсгаузен, – что на флоте принято обращение офицеров друг к другу, независимо от чина, по имени и отчеству. За исключением, конечно, официальных отношений, оговоренных Морским уставом. А ведь ваш статский чин как-никак соответствует флотскому чину мичмана. Или вы, Матвей... – он запнулся.

– Степанович, – подсказал Андрей Петрович.

– Матвей Степанович, – продолжил контр-адмирал, – считаете себя уже навсегда отторгнутым от флота?

– Никак нет, ваше... – запнулся тот, вытянувшись в струн-

ку, и поправился: – Фаддей Фаддеевич! Я навсегда останусь верен флоту, который благодаря вам свел меня с Андреем Петровичем!

Тот улыбнулся.

– Стало быть, не зря, Андрей Петрович, я тянул его за собой с Черного моря, с фрегата «Флора», на Балтику, на шлюп «Восток»?

– Выходит, что не зря, Фаддей Фаддеевич, – рассмеялся ученый.

На калитке звякнула медная пластина от удара по ней медным кольцом, и дворник поспешно открыл ее. Оглядываясь по сторонам, во двор вошел статный мужчина уже далеко не среднего возраста.

– Григорий Иванович! – радостно воскликнул Андрей Петрович и поспешил ему навстречу.

Они крепко, по-мужски, обнялись.

– Как же я рад видеть вас, дорогой мой учитель, в своем доме!

– Не менее вас, доктор естественной истории! – галантно ответил академик Лангсдорф.

Они поднялись на высокое крыльцо:

– О... не увидеть вас, Фаддей Фаддеевич, в этом доме я просто не мог! – академик приветствовал мореплавателя.

– Да и ваше присутствие здесь, Григорий Иванович, не менее предсказуемо, – озорно блеснув глазами, ответил контр-адмирал.

Лангсдорф пристально присмотрелся к Матвею:

– Если не ошибаюсь, Андрей Петрович, это тот самый молодой человек, который еще на рейде Рио-де-Жанейро показывал мне чучело чайки, изготовленное своими руками?

– Вы совершенно правы, Григорий Иванович, – улыбнулся Андрей Петрович, искренне радуясь, что тот узнал его бывшего вестового. – Разрешите представить: губернский секретарь Сухов, Матвей Степанович, старший консультант мастерской по изготовлению чучел животных при Петербургской академии наук.

– Вон оно, как повернулось... – несколько удивленно и в то же время задумчиво произнес академик. – Выходит, мой прогноз относительно того, что в Антарктической экспедиции вопрос с изготовлением чучел животных приполярной фауны будет решен, оправдался?

– Так точно, ваше превосходительство! – ответил Матвей и, чуть смутившись, произнес: – Надеюсь, что на сей раз я не ошибся в вашем титуловании?

– На сей раз нет, Матвей Степанович, – улыбнулся Григорий Иванович. – А ведь десять лет тому назад я действительно слышал только от вас обращение ко мне «ваше превосходительство».

– Стало быть, не только вы, ваше превосходительство, можете делать правильные прогнозы? – хитровато улыбнулся Матвей.

Академик внимательно посмотрел на него:

– Далеко, похоже, пойдете, ваше благородие, – усмехнулся он.

– А почему бы и нет, Григорий Иванович? – вмешался в их разговор Андрей Петрович. – Матвей готовится через год-полтора сдавать экстерном экзамен за полный курс Петербургского университета, – пояснил он.

– Вот как?! А вы уверены, что вам удастся это сделать, месье? – тут же спросил Лангсдорф по-французски:

– Во всяком случае, буду стараться, – ответил Матвей тоже на французском языке.

– Стараться – вовсе не значит получить положительный результат, – возразил Григорий Иванович уже по-английски.

– Вы совершенно правы, сэръ, но надежда, как известно, умирает последней, – довольно четко на английском языке ответил Матвей.

Лангсдорф остался явно довольным его ответами.

– Изрядно, Андрей Петрович! Во всяком случае, прошу вас сообщить мне дату экзамена Матвея Степановича в университете.

– Обязательно, Григорий Иванович! – возликовал тот. – Ведь поддержка действительного члена Петербургской академии наук бесценна!

– Просто я уверен, что почетный член Петербургской академии наук, к тому же профессор Петербургского университета не может, просто не имеет права не подготовить достойную себе смену, – улыбнулся академик.

У Матвея на глазах навернулись слезы. «Какие же все-таки друзья у моего покровителя!» – благодарно подумал он.

Очередной стук в калитку заставил всех заинтересованно повернуться в ее сторону. Флотский офицер в чине капитана 1-го ранга направился к крыльцу.

– Никак Фердинанд Петрович пожаловал! – оповестил присутствующих Андрей Петрович и, спустившись с крыльца, крепко пожал руку вновь прибывшему. – Барон Врангель. Фердинанд Петрович. Бывший капитан военного транспорта «Кроткий», – представил он его своим друзьям. – За вами, однако, не угнаться, Фердинанд Петрович! Всего два года тому назад по возвращении из кругосветного плавания вам был высочайше пожалован чин капитана 2-го ранга, и вот на тебе – уже капитан 1-го ранга!

Все, представляясь, пожимали новому для них человеку руку и с интересом присматривались к нему.

– Да просто повезло, Андрей Петрович, – смущенно пояснил тот. – Меня буквально только что назначили главным правителем Русской Америки. А по сложившейся традиции на эту должность назначают флотских офицеров только в чине капитана 1-го ранга. Вот меня досрочно и повысили в чине.

Друзья многозначительно переглянулись.

– А по окончании вашей службы в Российско-Американской компании вас непременно, опять же по сложившейся традиции, произведут в контр-адмиралы. Вот такая получа-

ется незадача, господа! – весело рассмеялся Андрей Петрович, с удовольствием поддержанный окружающими.

Врангель только развел руками.

* * *

В зале гостей встречала Ксения.

– Ксения Александровна, – представил ее Андрей Петрович. – Моя супруга и хозяйка этого дома. Прошу любить и жаловать.

– Я бы с превеликим удовольствием последовал вашей рекомендации, Андрей Петрович, – произнес Лангсдорф, галантно целуя ее руку. – Вы блестяще подтвердили характеристику, данную вам покойным государем, назвавшим вас опытным разведчиком, коль смогли найти такое сокровище. Однако гоню прочь от себя подобную шальную мысль, помня о том, как вы пытались вызвать на дуэль самого Ивана Федоровича Крузенштерна на острове Нукагива в Тихом океане.

Ксения ахнула, с испугом глянув на супруга.

– На какую это еще дуэль?! – вскинулся Беллинсгаузен. – Почему я об этом ничего не знаю? – Он гневно посмотрел на Андрея Петровича. – Тоже мне друг называется!

– Успокойтесь, Фаддей Фаддеевич, прошу вас! Андрей Петрович ни в чем не виноват перед вами. Дело в том, что камергер Резанов попросил присутствовавших при этом конфликте сохранить все в тайне.

– И кто же были эти самые «присутствовавшие»? – уже спокойнее, но все же с вызовом спросил тот.

– Я и Юрий Федорович Лисянский, капитан «Невы», – пояснил Лангсдорф.

Было видно, как Фаддей Фаддеевич постепенно отходил от обиды.

– И в чем же была причина конфликта? – уже с заинтересованностью спросил он.

– Крузенштерн позволил себе, мягко говоря, нетактично отозваться об офицерах гвардии.

– Ай да Андрей Петрович! – контр-адмирал с гордостью посмотрел на друга. – Да я бы непременно сделал то же самое! – и порывисто обнял его.

Когда все расселись за столом, любовно, со знанием дела, накрытым под руководством Ксении, Фаддей Фаддеевич удовлетворенно отметил:

– Мадера... Она, как мне помнится, никогда не подводила, – и взял одну из бутылок в руки. – Да к тому же еще и розлитая на Канарских островах, – отметил он, ознакомившись с этикеткой.

– Меня Андрей Петрович тоже успел приучить к ней за время нашего плавания на «Кротком», – невинно «пожаловался» Врангель.

– Да вам просто несказанно повезло, Фердинанд Петрович! – авторитетно заявил Беллинсгаузен. – Сколько раз она выручала нас после жестоких штормов, когда порой каза-

лось, что они никогда не кончатся. И после того, как удавалось в самый последний момент проскочить между огромными айсбергами, готовыми раздавить шлюп, как грецкий орех. А что еще могло так успокоить после того, когда своими глазами ночью видишь белые буруны, разбивающиеся у самого борта о рифы, не указанные на карте? – он тяжело вздохнул. – Нет, господа, мадера в этих случаях просто незаменима! Это слова мореплавателя.

– Вам бы, Фаддей Фаддеевич, да оду писать во славу мадеры! – воскликнул Лангсдорф, потрясенный страстностью речи контр-адмирала.

– А вы-то сами, Григорий Иванович, как относитесь к этому напитку? – с хитровой улыбкой якобы ничего не знающего человека поинтересовался Беллинсгаузен. – И хотя между мореплавателями и учеными много общего, – он покосился на Андрея Петровича, – но ведь есть же и существенные различия.

– Вы меня, право, удивляете, Фаддей Фаддеевич! – наигранно развел Лангсдорф руками. – Мы что, разве не вместе с Андреем Петровичем и вами плыли на «Надежде», да еще с заходом на Канарские острова?

– Сдаюсь, Григорий Иванович! – контр-адмирал шутливо поднял руки вверх. – Осталось только выяснить отношение к мадере Матвея Степановича, – и Фаддей Фаддеевич повернулся к нему лицом.

– Да сколько раз я накрывал стол в адмиральской каю-

те для вас с Андреем Петровичем и по «малой программе», и по «большой», когда вы встречались с лейтенантом Лазаревым, капитаном «Мирного»! – удивился Матвей. – И как же я, спрашивается, должен в этом случае относиться к мадере?!

Контр-адмирал удовлетворенно хмыкнул, а Матвей спросил:

– Кстати, Андрей Петрович, а почему здесь отсутствует Михаил Петрович Лазарев?

– Как мне известно, – ответил за него Беллинсгаузен, – он сейчас руководит морской блокадой Дарданелл и после подписания мирного договора с Турцией должен со своей эскадрой вернуться на Балтику.

– Кстати, – добавил Андрей Петрович, – его заключение о практической реализации результатов моей диссертации, которое он любезно написал по моей просьбе, если вы заметили, Григорий Иванович, зачитывал один из членов ученого совета.

– Безусловно, Андрей Петрович, – подтвердил тот. – Я слышал, что Лазарев отличился в Наваринском морском сражении.

– Об этом, я думаю, лучше меня расскажет Фаддей Фаддеевич.

Беллинсгаузен сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями.

– Наваринское морское сражение произошло восьмого

октября тысяча восемьсот двадцать седьмого года в Наваринской бухте на юго-западном побережье греческого полуострова Пелопоннес. В нем, как вам, наверно, известно, приняли участие соединенные эскадры России, Англии и Франции, с одной стороны, и турецко-египетский флот – с другой.

В самом начале сражения линейный корабль «Азов» под командой капитана 1-го ранга Лазарева оказался один против пяти кораблей противника. Как рассказывал лейтенант Нахимов, служивший на нем, весь ад развернулся перед ними! Не было места, куда бы ни сыпались кнйппели⁴², ядра и картечь.

– О, господи! – раздался сдавленный вскрик Ксении, прижавшей руки к груди от охватившего ее ужаса.

– Это мужская работа военных моряков, давших присягу на верность Отечеству, Ксения Александровна, – сдерживая эмоции, пояснил Беллинсгаузен и продолжил: – Я привел, господа, слова лейтенанта Нахимова по памяти, но совершенно точно, ибо они запали в мою душу, как, наверно, и в души многих русских моряков.

Все встали, отдавая дань мужеству русских моряков.

– За русский флот! За славный Андреевский флаг! – поднял бокал контр-адмирал.

– Тем не менее, – продолжил Фаддей Фаддеевич, когда все

⁴² Кнйппель – снаряд корабельной артиллерии во времена парусного флота; предназначался для разрушения такелажа и парусов и состоял из двух массивных чугунных деталей (ядер, полуядер, цилиндров), соединенных короткой цепью.

расселись по своим местам, – канонирам «Азова» удалось меткими залпами поджечь турецкий фрегат, и тот взлетел на воздух от взрыва пороховых погребов, разбрасывая горящие обломки на другие корабли. В результате этого сгорели и взорвались еще два турецких фрегата и корвет, а восьмидесятипушечный линейный корабль был вынужден выброситься на мель.

– Ура! – вскричали гости, обнимая друг друга, а Ксения смахнула носовым платком слезы радости и счастья.

– Прямо-таки как в Чесменском морском сражении в тысяча семьсот семидесятом году, когда русские брандерами⁴³ сожгли в Чесменской бухте весь турецкий флот! – взволнованно воскликнул барон Врангель.

– Совершенно верно, Фердинанд Петрович, – подтвердил контр-адмирал. – Однако свидетели боя были потрясены не только мужеством русских моряков, но и их благородством. Они бросали концы⁴⁴ турецким морякам, оказавшимся в воде, спасая их от гибели, – Фаддей Фаддеевич перевел дух. – Так ведь мало того, «Азов» после этого вместе с флагманским кораблем англичан «Азия» потопил и флагманский линейный корабль командующего египетским флотом!

Все бурно заплодировали.

⁴³ Брандер – корабль, нагруженный легкогорючими либо взрывчатыми веществами, используемый для поджога и уничтожения вражеских судов. Мог управляться экипажем, покидавшим судно в середине пути, либо сплавляться по течению или по ветру в сторону вражеского флота.

⁴⁴ Конец – здесь: веревка, трос.

– Вот за эти боевые подвиги в Наваринском сражении, – подвел итог Беллинсгаузен, обведя торжествующим взглядом друзей, – линейному кораблю «Азов» впервые в русском флоте был присвоен кормовой Георгиевский флаг, а его командир, Михаил Петрович Лазарев, наш соратник по Антарктической экспедиции, произведен в контр-адмиралы.

Провозглашение очередного тоста уже не требовалось...

* * *

– А какие впечатления остались у вас, Григорий Иванович, от посещения глубинных районов Бразилии? – обратился к академику неугомонный Беллинсгаузен с очередным вопросом. – Ведь вы еще в кают-компании «Надежды», то есть почти за два десятка лет до вашей экспедиции, так красочно и увлекательно рассказывали о природе Бразилии, что мы, тогда еще совсем молодые люди, слушали вас с открытыми ртами, – рассмеялся он, вспомнив молодые годы.

Все сразу же притихли, повернувшись в сторону академика.

– И правильно делали, – улыбнулся ученый. – Я же еще со студенческой скамьи бредил Бразилией.

– А нам ваши увлекательные рассказы бредовыми не казались, – улыбнулся Андрей Петрович.

– И слава богу, – теперь рассмеялся уже Григорий Иванович. – А если серьезно, друзья, то эти впечатления настолько

огромны, что я мог бы делиться ими в течение многих часов. Ведь экспедиция продолжалась целых шесть лет!

Чего стоит один только бассейн величайшей реки земного шара – Амазонки! Основную трудность в продвижении по нему представляли многочисленные притоки этой реки, кишасшие кровожадными рыбами-пирайями. Но не меньшим препятствием была и невыносимая духота тропических лесов. Вы, конечно, помните, Андрей Петрович, как она изматывала нас, когда мы пробивались через джунгли к потухшему вулкану на острове Нукагива?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.